

2017 № 1

Дмитрий БАБИЧ

Кирилл БЕНЕДИКТОВ

Алексей КОЗЫРЕВ

Аркадий МИНАКОВ

Михаил РЕМИЗОВ

Василий ЩИПКОВ

ЕТРАДИ

Русской
экспертной
школы

Тетради

Русской экспертной школы

2017 № 1

Москва
Русская экспертная школа
2017

УДК 316.75(470+671)
ББК 60.0(2Рос)
Т37

Партнёры:

Всемирный русский народный собор
Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

Т37 **Тетради Русской экспертной школы № 1** : научное издание / Авт.-сост. В.А. Щипков. – М. : «Русская экспертная школа», Пробел-2000, 2017. – 120 с.

ISBN 978-5-98604-593-1

Первая Тетрадь Русской экспертной школы представляет собой сборник экспертных комментариев, обсуждавшихся во время лектория Школы, посвящённого консервативным мировоззренческим процессам в современной России. В этом номере рассматриваются следующие вопросы: что такое «консервативный поворот», как тема революции отражена в русской мысли, что связывает Трампа и Россию, есть ли на Донбассе идеология, какие типы консерватизма существуют в России, почему русский писатель проходит путь от бунта к традиции и что такое «постсекулярный язык».

Наши электронные контакты:
ruseschool@yandex.ru
vk.com/ruseschool

ISBN 978-5-98604-593-1

© Русская экспертная школа, 2017.
© Щипков В.А., 2017.
© «Пробел-2000», 2017.

Содержание

О Русской экспертной школе 5

А.Ю. Минаков

Типология консерватизма в современной России 8

А.П. Козырев

Революция и русская мысль 35

К.С. Бенедиктов

Трамп и Россия 57

М.В. Ремизов

Консервативный поворот 78

Д.О. Бабич

Путь русского писателя: от бунта к традиции 94

В.А. Щипков

Постсекулярность и язык Церкви 113

Эксперты номера

Бабич Дмитрий Олегович

обозреватель радио Sputnik, эксперт Russia Today, публицист

Бенедиктов Кирилл Станиславович

главный редактор портала «Русская idea», писатель

Козырев Алексей Павлович

заместитель декана философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. филос. наук, доцент

Минаков Аркадий Юрьевич

профессор Воронежского государственного университета,
руководитель Центра по изучению консерватизма, д-р ист. наук

Ремизов Михаил Витальевич

президент Института национальной стратегии,
канд. филос. наук

Щипков Василий Александрович

директор Русской экспертной школы,
преподаватель МГИМО МИД России, канд. филос. наук

О РУССКОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ШКОЛЕ

В настоящее время в России и за рубежом происходят глубокие социокультурные изменения, которые в теории международных отношений связываются с кризисом модели однополярного мира, а в теории культуры – с кризисом постмодерна. В такие переломные периоды истории глубокою трансформацию переживает сам язык культуры. В широком смысле язык – это способ мыслить и действовать с опорой на определённые культурные нормы и ценности.

Растущие войны и конфликты в современном мире – это результат попыток части мирового истеблишмента разговаривать на языке XX века и максимально долго сохранять статус-кво устаревающей парадигмы в ущерб международной стабильности. Язык «демократических ценностей», «правового государства» и «гражданского общества», несмотря на свои несомненные достижения в прошлом, теряет авторитет и силу, перестаёт быть нормативным и объединяющим. Отсутствие консенсусной модели будущего и описывающих её терминов, приемлемых для большинства, ведёт к росту турбулентности в самых разных областях современной жизни.

Перешагнуть вековой рубеж смогут народы и сообщества, которые подберут слова, способные дать мирный и консолидированный ответ на вызовы и вопросы предстоящего столетия. Фактически для адекватного разговора о новой эпохе стало не хватать целой категории слов и понятий. Среди них – категории стабильности, традиционных ценностей, солидарности, уважения и производные от них.

Язык как мировоззренческая парадигма становится ключевым объектом современной информационной конкуренции.

Россия в числе первых остро почувствовала эти изменения. Российское общество в последние годы стало искать и формулировать новый язык, что выразилось в небывалом для истории нашей страны всплеске политических дискуссий, сравнимых лишь со вре-

менем конца XIX – начала XX веков. Сегодня в российском государственном и общественном секторе возникают новые фабрики мысли, увеличилось количество дискуссионных клубов и научных форумов, повысилась частота выхода аналитических сборников, докладов и экспертных комментариев. Востребованным становится обобщающе-философское осмысление происходящих процессов, которое, как и сто лет назад, всё чаще воплощается в свободном публицистическом жанре. В отличие же от столетней давности, развитие общественной мысли сегодня происходит на фундаменте общенародного консенсуса, что во многом оберегает это развитие от авантюрных и деструктивных траекторий.

Большая ответственность за формирование и продвижение нового языка лежит на российском экспертном сообществе – «переводчиках» понятий из научных, философских, религиозных и других узкоспециальных языков на язык, понятный всему обществу. Когда-то такие понятия, как «мультикультурализм» и «демократические ценности», тоже были отдалёнными научными категориями, пока благодаря зарубежному экспертному сообществу не вошли в самый широкий обиход и не стали элементом мышления.

Сегодня в России начинается конкуренция за новый язык, исход которой во многом будет зависеть от российского экспертного сообщества, от думающих гуманитариев и творческих людей, их пассионарности, интеллектуального и культурного уровня, умения чувствовать запросы эпохи и общества, а также передавать опыт своим молодым преемникам. В целях содействия развитию отечественной экспертной среды создаётся Русская экспертная школа.

Русская экспертная школа – научно-образовательный проект, содействующий развитию российского консервативного экспертно-аналитического сообщества. Эта цель реализуется через просвеще-

ние и интеллектуальное развитие перспективных представителей молодых специалистов, стремящихся сформировать новое поколение российских экспертов и интеллектуалов-гуманитариев. Своей главной задачей Школа видит создание образовательной площадки и интеллектуальной среды, которая обеспечит коммуникацию между экспертным сообществом и слушателями для передачи последним знаний и опыта из области культуры, истории, философии, общественной жизни и международных отношений.

Издание, которое вы держите в руках, – Тетради Русской экспертной школы – предназначено для публикации лекций, прочитанных в ходе семинаров Школы, а также размещения научных и публицистических статей слушателей и экспертов Школы. Настоящий, первый номер Тетрадей отражает тематику занятий и дискуссий, состоявшихся в рамках семинара Школы 17 декабря 2016 года.

Директор Русской экспертной школы
канд. филос. наук В. Щипков

ТИПОЛОГИЯ КОНСЕРВАТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Консерватизм представляет собой идеологию, стиль мышления и систему ценностей, которые, говоря применительно к Европе, опираются на христианскую нравственность и национальные культурные и этические традиции. Само слово «Традиция» является ключевым элементом консерватизма (в отличие от социализма и либерализма, центральное место в идеологии которых занимают равенство и свобода соответственно). Основными институтами, на которые опирается консерватизм и которые являются носителями принципов традиции и иерархии, являются семья, государство, армия, школа.

Если говорить о консерватизме как об историческом явлении, то абсолютное большинство исследователей сходятся в том, что временем зарождения консерватизма следует считать конец XVIII века. Отправной точкой для его появления стала Великая французская революция (1789 г.). Эта революция зиждилась на идеях западноевропейского Просвещения. Общеизвестна её идеологическая формула: «Свобода, Равенство, Братство». Однако на практике этот красивый лозунг обернулся массовыми казнями, уничтожением культурных ценностей, нравственной деградацией и бесконечными агрессивными войнами. Те логические построения, которые хорошо выглядели на бумаге, обернулись для Европы невероятными потрясениями. Эти события произвели шокирующее впечатление на всё европейское общество, привели к возникновению идеологии «постпросвещения», каковым стал консерватизм. Отцами-основателями консерватизма принято считать англичанина Эдмунда Бёрка и француза Жозефа де

Местра. Основоположником русского консерватизма стал Николай Михайлович Карамзин.

Русский консерватизм зарождается немного позже западноевропейского. Период его развития и становления приходится на первую четверть XIX века, на время царствования Александра I (1801-1825). Знаковыми фигурами русского консерватизма первой волны стали Державин, Карамзин, Шишков, Растопчин, Глинка, Магницкий, Стурдза. К сторонникам этого направления русской мысли относились великая княгиня Екатерина Павловна, создательница русской партии при дворе и родная сестра Александра I, и Аракчев — одна из наиболее негативно мифологизированных фигур в русском политическом пантеоне того времени. Именно в первой четверти XIX века возникают основные идеи русского консерватизма, которые были им пронесены через весь XIX и начало XX века, сохранялись и развивались в русской эмиграции. Русский консерватизм развивался в качестве движения, противостоящего господствующей в тогдашнем российском обществе галломании — безоглядному почитанию всего французского. Мировое значение Франции того времени было сопоставимо с нынешней ролью Соединённых Штатов Америки. Франция доминировала в политическом, культурном и идеологическом поле. В полемике, развернувшейся между русскими консерваторами и галломанами, первые сформулировали основные положения своего учения. Первым столпом консерватизма стало убеждение в необходимости опоры на собственную национальную традицию. В качестве основы этой традиции первые русские консерваторы видели укоренённую в православии русскую культуру и сильную централизованную власть (самодержавие). Таким образом, уже в первой четверти XIX века они предвосхитили формулу графа Уварова «православие, самодержавие, народность», которая появилась значительно позже, в царствование Николая I. «Православие, самодержавие, народность» недвусмысленно противопоставлялась «свободе, равенству, братству».

Русские консерваторы первой волны — это русские европейцы, люди, которые получили домашнее образование, как правило, при помощи французских гувернёров, которые учились в благородном пансионе, которые свободно говорили на нескольких иностранных языках, совершали длительные путешествия на Запад, слушали лекции в ведущих университетах Европы, состояли членами масонских лож и входили в самые элитные объединения. Это была часть элиты русского общества, но та её часть, у которой включилось национальное самосознание, которая, подобно Карамзину, поняла, что период подражательства должен быть завершён. Так, с 1802 года в «Вестнике Европы» Карамзин публикует ряд статей, которые носят программный консервативный характер. Одна из них называется «О любви к Отечеству и народной гордости». Карамзин, который в своих записках о путешествии на Запад пишет, что надо быть гражданами мира, а не только славянами, что путь совершенствования един для всех народов и что странам не следует замыкаться в национальную скорлупу. Тот же Карамзин в «Вестнике Европы» говорит нам, что вечно преклоняться перед Западом — унижительно и недостойно, что русские должны знать себе цену и что России ещё предстоит сыграть свою роль на мировой арене. Не будет лишним упомянуть, что в 2015 году В. Путин привёл обширные цитаты из этой самой статьи 1802 года. Важно отметить, что и Карамзин, и Александр Шишков, и Фёдор Растопчин, и Михаил Глинка, и Александр Стурдза — это рафинированные, тончайшие русские европейцы, но при этом консерваторы, люди, которые отрефлектировали негативный опыт русского западничества и попытались разработать своё видение, свой дискурс, отличный от западноевропейского.

Во второй четверти XIX века последователями консерватизма были многие значимые деятели русской культуры. Консервативными можно назвать стихи зрелого Пушкина. После 1825 года поэт в корне поменял своё мировоззрение: это уже совсем не тот вольнолюбивый Пушкин, который с лёгкостью писал эпиграммы на царя

Александра I. Другие, не менее именитые консерваторы того времени — поэт Тютчев, Гоголь (с его «Выбранными местами из переписки с друзьями» и «Размышлениями о Божественной Литургии»), историк Погодин, примыкавший к кругу министра народного просвещения Уварова, который сформировал всю систему российского образования того времени: от школы до академии наук. В дальнейшем русский консерватизм в общественно-политической мысли был представлен такими направлениями мысли, как славянофильство (братья Иван и Пётр Киреевские, братья Иван и Константин Аксаковы) и почвенничество (Фёдор Достоевский, Николай Данилевский). Видными деятелями консерватизма, его практиками были Михаил Катков, Константин Победоносцев, Константин Леонтьев, бывший революционер Лев Тихомиров.

Слабость русского консерватизма, несмотря на то, что в его рядах присутствовали светочи русской культуры, её безусловные гении — такие, как Карамзин, Пушкин, Тютчев, Данилевский, Достоевский — была в том, что его влияние на политику и сознание правящего слоя было эпизодическим и точечным. Русский консерватизм использовался властью в минуты, когда ей угрожала опасность. Так, консерваторов, маргиналов начала XIX века, возвысила Отечественная война 1812 года, которая несла тотальную угрозу и которая могла просто смести Россию с лица земли. В этих условиях эти люди оказались востребованы. Точно так же в 1905-1907 годах поносимые либералами и социалистами черносотенные организации наряду с гвардейскими полками прекратили начавшуюся революционную смуту. По разным причинам либерально настроенная бюрократия в дальнейшем компрометирует и максимально ослабляет эти организации, так что к февралю 1917 года не остаётся уже никого, способного встать на защиту монарха и монархии. Иными словами, недостатки и слабость русского консерватизма всегда проявлялись не в его идейной слабости, а в отсутствии непрерывной и системной консервативной традиции. Русскому

консерватизму не хватало постоянного присутствия в составе политического класса, ответственного за принятие государственных решений.

Революционные события 1917 года стали цивилизационной катастрофой. Консерватизм как таковой прекратил своё существование в России. Его носители были либо физически уничтожены, либо высланы за границу, либо в полной мере маргинализированы, как это произошло с Алексеем Лосевым, выдающимся представителем русского религиозного возрождения. И совсем не случайно президент В. Путин в своём недавнем послании к Федеральному Собранию 2016 года использовал яркую цитату этого мыслителя, когда говорил о необходимости национального примирения. Лосев прошёл очень тернистый, даже мученический жизненный путь. После освобождения из заключения, которое он отбывал на строительстве Беломорско-Балтийского канала, Лосев тайно принял монашеский постриг под именем Андроника. Это исследователь, который чрезвычайно много сделал для того, чтобы раскрыть социокультурный код античной цивилизации, цивилизации, наследниками которой стали как Европа, так и Россия. Однако всю свою жизнь Лосев был обречён оставаться одиночкой, человеком, который выживал в сложнейших условиях беспрецедентного идеологического давления. Консерватизм рассматривался в СССР как идеологический антипод государственной идеологии марксизма-ленинизма.

Только после 1991 года началось подлинное возрождение русского консерватизма. И отличительной чертой этого возрождения стало то, что очень многие из характерных черт русского дореволюционного консерватизма вновь проявили себя уже на новом историческом этапе. Матрица русского консерватизма оказалась чрезвычайно устойчивой, способной к самовоспроизводству. В настоящее время феномен возрождения русского консерватизма является актуальным направлением в российской гуманитарной науке и останется таковым и в будущем.

Серьёзной трудностью для исследователей современного консерватизма является необходимость отделения собственно консервативных взглядов от широкого спектра правых идеологий. Тем не менее такое различие является отправной точкой данного доклада. Среди направлений современной русской консервативной мысли можно выделить следующие:

- маргинальный консерватизм (палеоконсерватизм) — консерватизм монархического, «черносотенного» дореволюционного образца;
- консерватизм национал-большевистского толка — консерватизм, характерный для советского и постсоветского периода;
- церковный консерватизм;
- либеральный консерватизм наследников славянофильской и неославянофильской мысли;
- неоевразийство;
- националистический консерватизм (младоконсерватизм);
- левый консерватизм;
- официальный правительственный консерватизм — консерватизм, который зародился в первой половине 1990-х годов, бурно развивается в наши дни и имеет связи с традициями русского либерального консерватизма.

Каждое из перечисленных направлений по-своему следует определённым традициям, претендующим на статус национальных и укоренённых в истории. Все эти течения консерватизма обращены к опыту прошлого — давнего или недавнего, все они пронизаны идеями религиозной традиции, исторического опыта, патриотизма, национальной самобытности, антизападничества, антилиберализма. При этом между всеми этими течениями консерватизма нет жёстких границ. По этой причине многие организации консервативной направленности в идеологическом плане зачастую представляют собой синтез из двух и более направлений консервативной мысли.

Подробное рассмотрение каждого отдельного направления начнём с маргинального консерватизма. Другие его названия — палеоконсерватизм и антикварный консерватизм. В конце 1980-х – начале 1990-х годов этот консерватизм прочно ассоциировался с деятельностью национально-патриотического фронта «Память». На его основе возникали другие, родственные ему организации, например, «Чёрная сотня». Все эти организации составляли своеобразную коалицию. Причём в программе каждой из них шло почти дословное воспроизведение дореволюционных политических установок, свойственных тогдашним консерваторам. Так, общим местом и отправным пунктом для них была необходимость реставрации империи как формы государственного устройства и самодержавной монархии как формы правления. Кроме того, палеоконсервативные организации повсеместно использовали внешние атрибуты дореволюционного времени, вплоть до дореформенного кириллического алфавита. Однако в силу колоссального культурного разрыва между теми идеями, которые провозглашали палеоконсерваторы, и политической культурой и ценностями постсоветского общества, включая ценности элиты, этот монархический консерватизм был изначально обречён на маргинальное существование. В конечном итоге палеоконсервативные, «черносотенные» организации в 1990-е годы были использованы представителями тогдашней властной элиты и связанными с ней либеральными СМИ для создания и продвижения мифа о «русском фашизме» и компрометации всей системы консервативных и патриотических ценностей как таковых. Заинтересованным лицам было тем более легко добиться дискредитации консерватизма, что во многих случаях радикализм взглядов, экзотичность требований и просто политический инфантилизм в этих организациях зашкаливали. Это была идеальная почва для всякого рода провокаций. Тем не менее важно отметить, что существование этих организаций во многом было бы невозможно представить без предварительной активной поддержки так называемой «старой русской литературной партии». Она возник-

ла в 1960-1970-е годы в писательских кругах, её оплотом были такие журналы, как «Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва». Показательно, что само общество «Память» получило своё название от одноимённой книги писателя В. А. Чивилихина. На начальном этапе этой партии сочувствовали такие крупные фигуры, как писатели-деревенщики (Валентин Распутин, Василий Белов, Виктор Астафьев), художник Илья Глазунов, скульптор Вячеслав Клыков, идейно к этой партии примыкали композитор Георгий Свиридов, артист и кинорежиссёр Николай Бурляев. Однако, увидев плоды своей литературной деятельности в реальной политической практике палеоконсервативных организаций, представители старой литературной партии решили дистанцироваться от своих не в меру рьяных последователей, предпочли воздерживаться от участия в политических акциях и избегать публичных заявлений. В 2005 году наследником всех палеоконсерваторов стал Союз русского народа. Но и он, просуществовав всего один год, распался на несколько конкурирующих организаций. В настоящее время существует несколько партий, близких монархическим и черносотенным идеалам, однако их реальное политическое и идеологическое влияние стремится к нулю. Говоря о палеоконсерватизме, нельзя не упомянуть о фигуре Владимира Николаевича Осипова. Это старейший правый диссидент, который в 1970-1980-е годы, как впрочем, и в 1960-е, был идейно близок Александру Солженицыну, Игорю Шафаревичу, Леониду Бородину — публицистам почвеннического, славянофильского толка. Осипов в своих политических акциях в 1980-1990-е годы оказался довольно близок палеоконсервативному дискурсу.

После 1991 года значительную роль в деле возрождения правых консервативных тенденций сыграл национал-большевизм. Это направление консервативной мысли восходит к политической идеологии 20-х годов XX века и элементам политической практики сталинского руководства в 1930-1940-е годы. Исходная социалистическая идея — это абсолютно, стопроцентно, тотально антикон-

сервативный проект. Она отрицает частную собственность, семью, государство, религию, буржуазное право, провозглашает принципы интернационализма, где национальное воспринимается как некий враг, как то, что должно быть преодолено. Тогда как для консерваторов эти ценности являются основополагающими. То есть советский проект образца 1917 года — это тотальная война на уничтожение консервативных ценностей. Здесь никакого сомнения быть не может. Но в преддверии Великой Отечественной войны логика ситуации, когда режим должен был увеличивать свою социальную базу, искать пути воздействия на массы, заставила группу Сталина-Жданова, пусть в искажённой, уродливой, редуцированной форме, но начать использовать патриотическую риторику, обращаться к образам Александра Невского, Дмитрия Донского, Михаила Кутузова, Александра Суворова, которые раньше, в 1920-е годы однозначно позиционировались как представители эксплуататорского класса. Это были фигуры, которые подлежали всеобщему поношению и вытеснению из исторического сознания. Весьма характерно и то, что Советская Россия в 1920 году первой в мире ввела практику аборт, а в 1936 году аборты были запрещены. В ходе репрессий к 1937 году Сталиным было уничтожено большинство крайне левых большевиков. И далее всё идёт по нарастающей: возникает идея своеобразного «социалистического государственничества», социалистического патриотизма, а в 1943 году даже возрождается патриаршество. Это время ассоциируется с имперским периодом, тогда и происходит синтез социализма с патриотизмом. Отправной точкой идеологических перемен в советском государстве стал 1933 год, когда в Германии к власти пришли нацисты, и Сталину стало понятно, что противостоят этой страшной силе, апеллируя к Марксу, Энгельсу, Розе Люксембург, уже не получится. Уже тогда стало понятно, что грядёт большая война, на которую придётся мобилизовать миллионы людей и отправить их на смерть. А за Розу Люксембург или за диалектику производственных отношений народ умирать не будет.

Национал-большевики же искренне стремились сочетать ленинско-сталинскую идеологию с русским патриотизмом и с той моделью социализма, которая была создана в СССР в 1930-1950-е годы. Национал-большевицкая идеология в целом преобладала и в литературной партии. В 1990-е годы сторонниками национал-большевизма был Александр Проханов и в какой-то степени Сергей Бабурин. Национал-большевики исходили из того, что в 1930-е годы произошло позитивное перерождение большевистского режима. А сам Сталин выступил в роли консервативного лидера, который сознательно уничтожил левацкую ленинско-троцкистскую элиту. Национал-большевики полагали, что сохранение советского строя, в особенности КПСС, было бы полезно для России. Но КПСС, по их мнению, должна была окончательно отказаться от рудиментарного марксизма-ленинизма, начать создание империи нового типа, сохранив при этом достижения советского строя. Именно эта группа во многом идеологически подготовила путч 1991 года. Её манифест, знаменитое «Слово к народу», был опубликован за несколько дней до событий 19-21 августа 1991 года. Наиболее известным выразителем этих идей была газета «День» (сейчас она называется газета «Завтра»), редактором которой уже много лет является Проханов. Помимо Проханова с конца 1980-х годов и до настоящего времени в создании национал-большевизма поучаствовали Александр Зиновьев, Эдуард Лимонов, Сергей Кара-Мурза. Однако заслуга в этом Александра Проханова является наибольшей. Чтобы понять мировоззрение Проханова и близких к нему национал-большевиков, следует сказать, что для них Шишков, Карамзин, Леонтьев — это, безусловно, важные фигуры в истории русского консерватизма, но главный русский консерватор в их представлении — это Сталин. Проханов искренне считает, что Сталин — это патриот, консерватор, «император». Фактически Проханов игнорирует реальность, он создаёт миф. Например, начисто игнорируется тот факт, что разрушение церквей, начавшееся при Ленине, продолжалось и при Сталине.

При этом национал-большевизм не отрицает постановку вопроса об интересах русского народа. Многие национал-большевики могут сказать: «мы нормально относимся к церкви», — и даже повторить формулу «православие, самодержавие, народность». Г. Зюганов даже этим как-то бравировал. И хотя сейчас этого нет, в 1990-е и в начале 2000-х эта формула присутствовала в его риторике. Но когда дело доходит до серьёзного мировоззренческого выбора, социалистические ценности в ленинско-сталинском виде начинают выходить на первый план, доминировать и возникает их конфликт. Национал-большевизм не органичен, это слабый синтез. Очень трудно примирить фигуры Ленина и Сталина с одной стороны с сонмом новомучеников с другой. Когда Проханов восторгается иконой, где Божья Матерь благословляет Сталина с маршалами, то с другой стороны можно поставить множество икон с мучениками, которые покинули мир именно благодаря деятельности вождя народов. Как это примирить? Тут есть разрыв, преодолеть который невозможно. Здесь должен быть сделан выбор в пользу одной из сторон.

После августа 1991 года именно благодаря усилиям национал-большевистской группы была сделана первая попытка объединения правых традиционалистов и национал-большевиков в организацию «Фронт национального спасения». Эта структура играла весьма значительную роль в событиях, предшествовавших трагическому октябрю 1993 года. В либеральном дискурсе это движение называли не иначе как «красно-коричневым». Его идеологическая неоднородность предопределила скорый раскол этого движения. Правые консерваторы солженицынско-осиповского толка неохотно шли на сотрудничество, считая, что ведущую роль во «Фронте национального спасения» неизбежно будут играть национал-большевики. В скором времени произошёл выход правых консерваторов из «Фронта национального спасения». С конституционного кризиса и его трагической силовой развязки начинается новый период в истории развития страны и новый этап в развитии идеологических течений.

Во второй половине 1990-х годов ведущая роль в идейной эстафете консервативной мысли переходит к церковному консерватизму. И организацией, которая актуализировала систему консервативных ценностей, смогла её выразить на современном политическом языке, стал Всемирный Русский Народный Собор (ВРНС). Эта организация была создана в 1993 году усилиями нынешнего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, бывшего на тот момент Митрополитом Смоленским и Калининградским. Большую роль в становлении ВРНС сыграл председатель Союза писателей России В. Ганичев. Тот факт, что организация была создана высшим руководством церкви, конечно, придавал ей особый статус и авторитет. В заседаниях Собора нередко принимали участие представители интеллектуальной элиты, близкой к властным кругам. В 2000-е годы ряд интеллектуалов, принадлежавших к кругу ВРНС, создали обширную политическую программу. Именно благодаря их усилиям в сознание политического класса России были привнесены следующие проблемы и понятия: «разделённое положение русского народа», «русский мир», «необходимость насильственного воссоединения». Фактически ВРНС вынес на политическую и идеологическую повестку дня «русский вопрос», который включает в себя проблему снятия отчуждения значительной массы русских от власти и собственности, защиту их политических, гражданских, этнокультурных прав. С подачи ВРНС в современную политическую лексику прочно вошёл термин «русская цивилизация». Многие основополагающие идеи церковного консерватизма нашли своё выражение в принятом на архиерейском соборе 2000 года документе об основах социальной концепции РПЦ. В то же время следует отметить, что ВРНС нельзя в полной мере считать политической организацией, так как Русская Церковь дистанцируется от политики и предписывает клирикам полное неучастие в политической борьбе.

Ещё одно направление современного консерватизма — это неославянофильство. Неославянофилы (идеологические преемники исторических славянофилов) также могут быть названы либераль-

ными консерваторами. В советское время наиболее яркими представителями этого течения являлись Солженицын, Шафаревич, Бородин. Основную идею либерального консерватизма можно понять из его названия — она заключается в попытке синтеза идей русского патриотизма и самобытности с либеральными принципами гражданских прав и свобод. Крупнейший идеолог либерального консерватизма Солженицын, вернувшийся в Россию в 1994 году, своей публицистикой оказал значительное влияние на идеологические процессы в позднем СССР и Российской Федерации. Для понимания современного либерального консерватизма ключевой является статья Солженицына «Как нам обустроить Россию». Сразу же после написания это эссе было издано миллионными тиражами в наиболее массовых изданиях и стало объектом серьёзной дискуссии. В этом произведении Солженицын предлагал решить русский вопрос путём пересмотра внутрисоюзных границ через референдумы. С его точки зрения, это позволило бы объединить русский мир и избежать геополитической катастрофы, которая последовала в 1991 году и привела к разделённому положению русского народа. Фактически Солженицын сформулировал и вынес на всеобщее обсуждение вопрос «о возможности создания русского национального государства». Солженицын много говорил о роли православия, о необходимости создания русской национальной школы, выступал с резкой критикой, причём с консервативных позиций, того политического режима, который в настоящее время ассоциируется с деятельностью Б. Ельцина.

Неославянофилами были созданы несколько дееспособных организаций, в частности «Российское народное собрание» (февраль 1992 года). В названии этой организации видна переключка с «Русским собранием», созданным в 1900 году и послужившим в начале XX века образцом для создания целого ряда консервативных организаций. «Российское народное собрание» было сформировано неопатриотами, людьми, которые осенью 1991 года покинули ультралиберальную «Демократическую Россию» и перешли в оппозицию к Б. Ельцину. Сре-

ди лидеров «Российского народного собрания» выделялись Дмитрий Рогозин (он тогда возглавлял «Союз возрождения России»), Михаил Астафьев — руководитель «Конституционной демократической партии» («Кадеты», «Партия народной свободы»), и Виктор Аксюциц — организатор «Российского христианского движения». «Российское народное собрание» поддержал Александр Руцкой. Эта группа смогла оказать ощутимое влияние на политическую линию Верховного совета Российской Федерации. Однако драматические события 1993 года прекратили деятельность этой и других подобных организаций. Одним из преемников «Российского народного собрания» стал «Конгресс русских общин», в рядах которого в 1995 году были Лебедь, Глазьев, Осколков, Рогозин. Тогда же эта группа предприняла попытку пройти в Государственную Думу. Очевидно, что у неё были неплохие шансы на успех, однако в результате применения манипулятивных предвыборных технологий эта попытка не удалась. На тот момент национальная консервативная фракция в Госдуме не состоялась. В 2003 году эта же группа совершает вторую, теперь уже успешную попытку пройти в Госдуму. Тогда был создан народно-патриотический союз «Родина», но к 2005 году этот политический блок фактически распался. Тем не менее он выполнил свою миссию и доказал, что национально-патриотические, консервативные силы в состоянии играть довольно серьёзную политическую роль. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что в настоящий момент Рогозин занимает пост заместителя Председателя Правительства Российской Федерации, а Глазьев является советником Президента Российской Федерации. Однако современная партия «Родина» — это структура, оставшаяся без ярких лидеров и идеологов.

Следующее течение консерватизма, которое нельзя обойти вниманием, — это неоевразийство (современное евразийство). Геополитическая идея неоевразийства заключается в том, что только в союзе со стремительно развивающимися странами Востока Россия сможет противостоять Западу. Как и в 20-е годы XX века, когда евра-

зийство только зародилось как философско-политическое направление, современное евразийство является выразителем идей крайнего антизападничества и антилиберализма. Наиболее яркими представителями евразийства были историки Лев Гумилёв и Владимир Махнач, а также ныне здравствующий Александр Дугин. Именно Дугин в настоящее время является самым ярким выразителем идей неоевразийства. Дугин многое сделал для того, чтобы популяризировать взгляды неоевразийцев, и сформулировал на страницах своих произведений несколько весьма оригинальных, в некоторых случаях доходящих до экстравагантности концепций. Так, в его построениях есть теории о великой борьбе континентов, о борьбе цивилизации суши с цивилизацией моря. Рациональные, прагматические идеи евразийства очевидно были использованы Н. Назарбаевым и В. Путиным в геополитических программах Казахстана и России соответственно.

В конце XX века в русском консервативном движении резко усиливаются антилиберализм и националистические настроения, что весьма ощущается в тех тезисах, которые выдвигают современные консерваторы. Кроме того, существенное влияние на формирование идеологического поля вообще и консервативных идеологий в частности оказало вхождение в общественно-политическую реальность сети Интернет. Интернет предоставил широкому кругу людей большие возможности для свободного обмена информацией и создания неформальных организаций и сетевых структур. Всё это привело к резкому увеличению самоорганизующихся идеологических групп, а также к созданию в их среде ряда новых идеологических концептов. С наступлением эпохи общедоступного интернета в консервативное движение пришло множество молодых людей, обладающих философским, историческим, политологическим образованием. Мироззрение этих людей резко отличалось от взглядов представителей консервативной русской литературной партии. Эти молодые люди — так называемые младоконсерваторы — в начале 2000-х создали идеологический пресс-клуб, ядро которого составили Вадим Цымбурский,

Борис Межуев, Константин Крылов, Егор Холмогоров и другие. Они издавали еженедельник «Консерватор», главным редактором которого был Дмитрий Ольшанский. Так формируется националистический консерватизм, или младоконсерватизм. Любопытно, что немаловажную роль на начальном этапе формирования националистического консерватизма сыграл либеральный политолог Станислав Белковский: именно благодаря его поддержке часть младоконсерваторов стала сотрудниками «Института национальной стратегии», директором и учредителем которого являлся он сам. Однако уже в 2006 году младоконсерватизм как явление перестал существовать, а ряд его представителей перешли на позиции русского национализма, который свою основную задачу видел в создании русского национального государства. Сегодня ведущим информационным органом этой группы является журнал «Вопросы национализма». По всей видимости, именно благодаря деятельности этой группы сам термин «национализм» был легализован в публичном пространстве. Весьма характерна в этом отношении реплика Путина: «Самый главный националист России — это я». Конечно, сделана она была со всеми необходимыми оговорками, которых требовала политкорректность.

Представляется немаловажным, что уже в ближайшие годы пальма первенства современного консервативного движения может перейти к так называемому «левому консерватизму». Это направление мысли сформировалось сравнительно недавно и его идеи лучше всего выражены в философско-политологических сборниках «Перелом» и «Плаха», вышедших под редакцией А. В. Щипкова. С точки зрения левого консерватизма мир сейчас находится в своеобразной точке бифуркации. Евроатлантическая цивилизационная модель в нынешней форме достигла пределов своих возможностей и теперь начинается мощная обратная реакция на глобалистский постсекулярный либерализм, которая выражается в сильнейшем запросе общества на национальную идентичность и национальную традицию. Возможный выход из ситуации левые консерваторы ви-

дят в новом обращении к ценностям традиции и социальной справедливости. Предлагается синтез этих ценностей: создание такой социально-политической системы, в которой могли бы органично ужиться и традиционные консервативные ценности, и ценности социалистические. Однако чтобы уяснить себе содержание взглядов социальных консерваторов, следует обратиться к их пониманию социализма. Фактически в их формулировках социализм — это такое состояние общества, которое, с одной стороны, должно исключить все проявления крайней нищеты, а с другой — не допустить появления сверхбогатой прослойки людей, «олигархов». Такое понимание социализма не несёт в себе идеи отрицания иерархии во имя всеобщего равенства, что было характерно для социализма классического. Когда левые консерваторы говорят о справедливости, они её трактуют, прежде всего, с христианских и национальных позиций. Принцип равенства понимается здесь как принцип солидарности, и важнейшей социально-политической задачей провозглашается создание условий для достижения этой национальной солидарности. В духе Ломоносова и Солженицына одной из главных задач левые консерваторы считают сбережение народа и его традиций. Строго говоря, социальный консерватизм и консервативный социализм имеют мало общего с традиционным марксистским социализмом и практикой коммунистического строительства. Лишь в экономике социальный консерватизм предполагает умеренно-эгалитаристскую модель, тогда как в остальных сферах общественной жизни — опору на традиционные ценности. Представляется, что система аргументации левых консерваторов вполне соответствует логике консервативного стиля мышления. Однако следует отметить, что речь идёт и об очень серьёзной новации. Так как повестка социальной справедливости — эгалитаризм, в каком бы то ни было виде — это явление, не свойственное ни русской консервативной мысли предшествующих периодов, ни мировой консервативной мысли. Но консерваторы отличаются от своих оппонентов тем, что всегда апеллируют к реально-

сти, к исторической действительности, а не к кабинетно-логическим схемам, как бы красиво они ни выглядели на бумаге. История России в период с 1917 по 1991 год явила собой совершенно беспрецедентный сдвиг влево, «красный» сдвиг в идеологическом спектре всей страны. Он оказал огромное влияние на самые основы самосознания всех народов, населяющих Россию и всё постсоветское пространство. Консерватизм всегда опирается на историческую данность. А принципы социальной справедливости за семь десятилетий советского периода успели прочно войти в плоть и кровь народа. И консерваторы, которые в большинстве случаев рассматривают свою идеологию как явление национальное, не могут это не учитывать. Русский консерватизм всегда будет отличаться от английского, английский от французского, французский от немецкого, турецкого. Левые консерваторы утверждают, что консерватизм обречён на переосмысление принципов справедливости в духе христианской традиции и на противостояние практикам глобализма. Левый консерватизм, безусловно, способен вытеснить течения консерватизма, которые возникли в рамках национал-большевистского спектра.

5 ноября 2016 г. я совершил поездку в Донбасс, в г. Донецк. Целью моей поездки было участие в конференции, которая носила название «Русская цивилизация. Воюющий Донбасс как эпицентр цивилизационного пробуждения Русского мира». Хотя Воронежская область, где я постоянно проживаю, и граничит с Луганской, между ними существует полноценная административная граница, и визиты, подобные моему, являются сравнительно большой редкостью. Нынешний Донецк производит на гостей из России очень сильное впечатление. Это один из тех городов, которые сами по себе имеют ярко выраженный стиль и дух места. Там ощущается присутствие героизма, аскезы. С одной стороны, приезжий видит, что это один из красивейших русских городов, а с другой — не может не заметить, что это город, находящийся в прифронтовых условиях. Причём эта атмосфера ощущается повсюду.

В конференции участвовали представители всех основных общественно-политических движений и партий, существующих в Донецке и в Донбассе: от анархистов до монархистов. Для участия в мероприятии собралось около сотни людей: политиков, университетских преподавателей, журналистов, общественных деятелей. В настрое всех участников ощущались чувство солидарности и дух интенсивного и открытого к диалогу идейного поиска. Там, где речь идёт о жизни и смерти, атмосфера в обществе сильно меняется, и поэтому в городах, которые живут в мирных условиях, таких как Воронеж, Москва или Ростова-на-Дону, нельзя почувствовать то, что разлито в воздухе Донецка. Жители этого города видят, что против них ведётся война, и эта война ведётся не только с помощью стрелкового оружия, танков, систем залпового огня, но и с помощью идеологии. На Украине есть мощные пропагандистские центры, которые умеют работать с массами, умеют доносить свою позицию до целевых групп. Со стороны ДНР или России такой системной и целенаправленной идеологической работы с населением Донбасса не ведётся, и местные жители это очень остро ощущают.

Весьма интересным оказалось содержание выступлений участников круглого стола конференции. Многие доклады содержали в себе синтез «правых» и «левых» взглядов. Вот наиболее примечательные цитаты из этих выступлений: «Мы носим в себе «уваровские» (прим.: по имени графа Сергея Уварова, министра народного просвещения 1833—1849, разработчика идеологии официальной народности) концепции: “Православие, самодержавие, народность”, мы хотим верить в некое мессианство власти, в её отречение от себя во имя государства, мы должны понимать какое общество и государство мы должны и хотим построить»; «Мы рано или поздно придём к чему-то, что напоминает монархию, но с присущими нашему народу инструментами народовластия. Сейчас же для республик Донбасса очень важен приток свежих мыслей, идей и мнений из России». Вторая цитата принадлежит человеку, который принимал активное участие в событиях «Русской весны» на Донбассе и на раннем её этапе вёл работу

со службой безопасности Украины, фактически проводя фильтрацию этой структуры на предмет наличия в ней украинских радикальных националистов. Содержание моего выступления было посвящено русскому консерватизму, его истории и тому, что он собой представляет в наши дни. Начало конференции было отмечено посещением главы Донецкой Народной Республики, председателя Совета министров и верховного главнокомандующего вооружёнными силами ДНР Александра Захарченко. После того, как он вошёл в зал заседаний, за ним появились автоматчики, которые разбили зал на сектора, после чего Захарченко произнёс короткую, но очень яркую речь, в которой были слова: «Наша война — за нашу веру, за наш язык, за нашу Родину». Тем самым глава ДНР, вероятно, сам того не подозревая, воспроизвёл формулу великого русского консерватора А. С. Шишкова, который был главным идеологом и ритором Отечественной войны 1812 года.

После конференции Захарченко организовал для меня небольшую экскурсию в знаменитый донецкий аэропорт, туда, где находятся передовые позиции армии ДНР и проходит линия фронта. Донецк во время поездки произвёл впечатление очень благополучного города: несмотря на то, что порядка 75% его территории доступно для артиллерийских ударов украинской армии, падение снарядов в черте города — довольно редкое событие. Однако выехав за его пределы, человек может совершенно неожиданно для себя увидеть, что окраины города превращены в некое подобие безлюдного и безжизненного лунного ландшафта, вызывающего ассоциации с чернобыльской зоной отчуждения. В этих местах царит тишина, лишь изредка нарушаемая отдалёнными звуками минных разрывов. Большинство деревьев здесь — мёртвые. Это лес, который был истерзан пулями и осколками снарядов, это деревья, которые уже никогда не зацветут. Развалины аэропорта — это множество сложившихся железобетонных конструкций, это что-то кричащее. Здание «девятки»¹ буквально изрешечено «Градами». Мно-

¹ Девятиэтажный дом, стоящий в нескольких сотнях метров от того места, где раньше был штаб Моторолы и самого Захарченко.

гие из тех, с кем я говорил, в будущем хотят сделать из этого здания памятник мужеству и героизму защитников Донбасса, подобный тому, каким стал общеизвестный «Дом Павлова» в Сталинграде. Окраины Донецка в районе бывшего аэропорта — это то место, в котором человек, приехавший из России, может прочувствовать, что в Донбассе решается судьба России и Русского мира. И люди, с которыми мне там удалось пообщаться, заставили и меня это очень остро осознать.

После моего выступления на конференции, слушатели адресовали мне ряд вопросов, большинство которых было задано по поводу концепции левого консерватизма. Около пяти человек активно комментировали моё выступление, но основной посыл их реплик был один: «Народ Донбасса стремится сохранить свою русскую национальную идентичность, что невозможно сделать без опоры на традиционные ценности. Основа русской идентичности — это язык, и беспокойство за судьбу русского языка чувствуется на Донбассе особенно остро. основополагающая ценность народа — это православие, и уровень религиозности на Донбассе сейчас выше, чем в Москве или в большинстве других русских городов. Кроме того, народу присуще определённое видение своей истории, своей культуры». В то же время нельзя забывать, что Донбасс — это рабочий, промышленный регион, который в 1920-е годы был одной из опор Льва Троцкого, главы крайне левого течения в большевистской партии. Именно сторонники левой политической идеологии очень активно проявили себя во время «Русской весны» 2014 года. По всей видимости, в настоящее время на Донбассе идёт активный поиск идеологического синтеза, в котором левые ценности должны сыграть очень важную роль наряду с консерватизмом.

Последнее направление консерватизма, которое нельзя обойти вниманием, — это так называемый правительственный консерватизм. До октября 1993 года значительная часть русского консервативного поля была поделена на национал-большевистскую и либерально-консервативную части. Однако после октябрьских событий 1993 года

начинается процесс перехвата консервативных идей и лозунгов высшей государственной властью. С 1993 года в лексике правящего политического класса появляются элементы державно-патриотической риторики, начинают вестись разговоры о единой и неделимой России, о национальной идее, национальной традиции. Впрочем, первым среди правящего слоя о возможности использования консерватизма в целях политического выживания заговорил государственный секретарь РСФСР Геннадий Бурбулис ещё в 1992 году. Тогда же было инициировано создание «Партии российского единства и согласия» (ПРЕС), вторым названием которой было «Консервативная партия России». В декабре 1993 года ПРЕС прошёл на выборах в Госдуму и создал одноименную фракцию, лидерами которой стали Сергей Шахрай и Вячеслав Никонов. Консервативный характер этой партии нашёл своё отражение в её официальных документах. Хотя либеральная и западническая составляющая в этих документах, безусловно, преобладали. Программа партии представляла собой кальку аналогичных программ консервативных партий и организаций, существующих в США. Более того, в документах ПРЕС прямо говорилось, что российский консерватизм ни в чём не должен отличаться от существующего на Западе. В 1995 году появилась политическая партия «Наш дом — Россия», которая начинает использовать клипы, сделанные Никитой Михалковым.²

Экономический кризис 1998 года в значительной степени компрометирует в глазах общества либеральный подход, и не толь-

² Никита Михалков никогда не скрывал своих традиционалистских и монархических убеждений. То, в какой мере его убеждения соотносились с убеждениями лидеров партии «Наш дом – Россия», можно оставить открытым. Тем не менее Никита Михалков тогда очень многое сделал для популяризации консервативных идей. Например, достаточно известен тот факт, что он издал избранные работы Ивана Ильина «Наши задачи», и эти изданные им томики вручались затем Ельцину и Черномырдину. Представляется весьма вероятным, что именно через Михалкова с идеями Ильина ознакомился и нынешний президент В. Путин. Таким образом, нередко встречающиеся обвинения Никиты Сергеевича в известной беспринципности, как минимум, существенно преувеличены. У него есть своя мировоззренческая позиция, от которой он никогда не отходил.

ко в экономической сфере. Короткое премьерство Примакова актуализировало риторику, в которой превозносились традиция сильной государственности и концепция национальных интересов. Разворот самолёта Примакова, летевшего с официальным визитом в США, над Атлантикой, после того, как им были получены первые сообщения о натовских бомбардировках Белграда, был крайне символичен. Тогда же происходит беспрецедентный всплеск антиамериканизма во всей России. При том, что предшествовавшие этому вторая половина 1980-х и начало 1990-х годов прошли под знаменем сильнейшей волны искреннего, даже наивного народного американизма, бескорыстной платонической любви ко всему западному. В 1998-1999 годах происходит радикальный политический перелом и в настроении народа, и в официальной политике. В речах самого Ельцина всё больше находит отражение лексика русских консерваторов, апеллировавших к «великой державе», «духу нации», «обретению национального достоинства», «обращения к национальным истокам». О необходимости российского консерватизма заявляет руководитель партии «Наш дом — Россия» Рыжков. С приходом же к власти Владимира Путина начинается своеобразный бум государственного консерватизма. Причём этот процесс идёт по нарастающей. В 1999 году Путин публикует свою программную статью «Россия на рубеже тысячелетий», в которой высказываются мысли о необходимости для России идеологии, в основе которой лежали бы патриотизм, державность, государственничество и социальная справедливость в сочетании с исконными российскими ценностями, выдержавшими испытание временем, в том числе и бурным XX столетием. Естественно, все перечисленные ценности в соответствии с содержанием статьи должны сочетаться с политикой экономического либерализма. Таким образом, с самого момента прихода к власти Путин начинает позиционировать себя как либерального консерватора. Эта его позиция не могла не спровоцировать возникновение системного запроса на консервативную идеологию. В скором времени возникают несколько новых консерватив-

ных клубов и организаций, например, Серафимовский клуб 2003 года (его рупором стал известный журнал «Эксперт»); идеологами клуба были известный телевизионный комментатор Михаил Леонтьев и Максим Соколов. Соответственно, начинаются идейные поиски в политической партии «Единая Россия». Идейные поиски в направлении социал-консерватизма шли параллельно, а порой и перпендикулярно политической практике самой «Единой России». «Единая Россия» — это главным образом партия представителей чиновничества, исполнительной власти, и идейные установки в ней играют второстепенную роль. Тем не менее попытки разработать социал-консервативную идеологию предпринимались. Например, по мнению авторитетного политического эксперта Леонида Полякова, как раз «Единая Россия» и её центры создали и разработали наиболее разветвлённый вариант современного социал-консерватизма. С другой стороны, можно вспомнить высказывание Владислава Суркова, который в середине 2000-х годов заявил: «мы, безусловно, консерваторы, но пока не знаем, что это такое». С тех пор прошло уже немало времени, и некоторая ясность в позиции политической элиты всё же стала появляться. Особенно заметно это стало после протестных событий 2011-2012 годов, так называемых «болотных протестов», которые заставили наиболее авторитетную часть политического класса определиться в своём отношении к либеральным и консервативным ценностям. Но в ещё большей степени повлияли на позицию политического истеблишмента события 2014 года: воссоединение России с Крымом, события в Новороссии, попытки санкционного давления объединённого Запада на Россию. В нынешней государственной идеологии прослеживаются следующие постулаты и понятия, которые несут отпечаток консерватизма:

- противостояние глобализму как космополитическому проекту с точки зрения национальных интересов;
- ставка на многополярность мира, на его, говоря языком Леонтьева, «цветущую сложность»;

- умеренное и во многом вынужденное антизападничество;
- защита традиционных христианских ценностей, по крайней мере, в форме апологии традиционной семьи;
- признание русских крупнейшим разделённым народом мира (этот тезис звучал в «Крымской речи» Путина вместе с тезисом о необходимости поддержки и консолидации русского мира).

Таким образом, впервые со времён Уварова государственная власть стала формировать консервативную идеологию, а также системно поддерживать тех авторов, которые могли бы этот процесс обеспечить. В настоящее время особую роль в этом процессе играет Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ). Кроме того, широко известны «Бердяевские чтения», которые проводятся этим институтом и которые консолидируют представителей академических и экспертных кругов, придерживающихся консервативного и либерально-консервативного направления мысли. Издание, в котором отражается позиция этой влиятельной экспертной группы, — альманах «Тетради по консерватизму» (также издаваемый при ИСЭПИ). В состав редколлегии этого издания входят такие известные эксперты, как Л. В. Поляков и М. В. Ремизов. Материалы этого альманаха широко обсуждаются на нескольких влиятельных информационных интернет-ресурсах, таких как «Русская идея» (главный редактор — Кирилл Бенедиктов). С каждым новыми Бердяевскими чтениями современная государственно-консервативная идеология детализуется, приобретает всё более чёткие контуры, вовлекает в своё сообщество всё новых философов, политологов, историков.

Помимо ИСЭПИ можно привести ещё несколько центров консервативной мысли. По сравнению с ситуацией 1990-х годов их сейчас довольно много. Нельзя не вспомнить Институт национальной стратегии (руководитель — Михаил Ремизов), Российский институт стратегических исследований, Фонд исторической перспективы (руководитель — Наталья Нарочницкая), телеканалы «Спас» и «Царьград» и многие другие.

Таким образом, в начале 2000-х произошёл очевидный сдвиг общественного сознания, подобный тому, который имел место в начале XIX века. В то время консерваторы составляли лишь группу маргиналов, ненавидимых при царском дворе. Представляли людей, у которых не было шансов сделать политическую карьеру и которые воспринимались просвещённым обществом не иначе как городские сумасшедшие. Они высмеивались тогдашней либеральной элитой, про них писалось огромное количество обличительных статей и эпиграмм (всё это стало достоянием русской литературы и русской культуры в целом). Но по прошествии нескольких лет эти люди заняли ключевые должности в системе русского государственного управления. Нечто подобное произошло в последние годы и в современной России. В середине 1990-х годов консерваторов называли не иначе как русскими «нацистами», «фашистами», «красно-коричневыми». Однако к настоящему времени русский консерватизм превращается из маргинального во вполне уважаемое течение и активно влияет на внешнеполитический курс страны. При этом не будет лишним ещё раз указать на тот факт, что нынешний русский консерватизм во многом является продолжением старого, дореволюционного консерватизма. Произошло своеобразное чудо: несмотря на катастрофы XX века, через десятилетия протянулись нити невидимых связей, которые соединили эти два явления. Очевидно, что ценностная матрица русского консерватизма сохранялась даже в советский период. Сейчас трудно делать долгосрочный прогноз развития этой идеологии. Но подводя итог экскурсу в её историю, следует сказать, что в 1917 году страна испытала колоссальный идеологический крен влево, а затем — вплоть до 1991 года — последовал ещё ряд ценностных катастроф. Трагедия 1917 года объясняется, прежде всего, слабостью русского консерватизма, а всё то, что последовало за ней, — его фактическим отсутствием. Можно сказать, что консерватизм играет роль скелета, или роль иммунной системы, которая предохраняет общество и государственный механизм от революционных сломов, от необдуманного утопиче-

ского радикального реформирования. Представляется исключительно важным, чтобы консервативные ценности и консервативные политические и культурные практики укрепились в российском обществе, приобрели системный характер подобно тому, как они приобрели его во всём мире. Именно благодаря наличию консервативного направления мысли Англия и Америка избежали революций, подобных той, которая произошла в России в 1917 году. У них был мощный консервативный иммунитет, который начинает размываться только в наши дни. История — не учительница, а назидательница, она наказывает за плохо выученные уроки. Поэтому урок революции должен быть нами усвоен.

РЕВОЛЮЦИЯ И РУССКАЯ МЫСЛЬ

Причиной, по которой представляется необходимым рассмотреть вопрос отражения темы революции в русской мысли, является близость настроений интеллигенции, которые господствовали в начале XX века и тех настроений, которыми была охвачена интеллигенция (украинская и российская) во время киевского «майдана» 2013–2014 годов. Когда «майдан» ещё только начинался, уже тогда можно было предположить, к чему приведёт этот процесс — что на Россию польются потоки обвинений в том, что это якобы она мешает Украине следовать по пути общеевропейского развития.

Но наиболее удивительным на тот момент было другое: то, что многие русские интеллектуалы радостно приветствовали происходящие на Украине события, с искренним сочувствием повторяли лозунг националистов «Слава Украине! Героям слава!», происходящий от Украинской повстанческой армии. Некоторые из русских интеллигентов сами ездили в Киев, чтобы постоять на площади Независимости, а потом, вернувшись в Москву, с сожалением в голосе говорить: «Свет майдана, наверное, никогда до нас не дойдёт». Так, известная русская поэтесса, филолог и этнограф Ольга Седакова, опубликовала в газете «Известия» статью, которая называлась «Российское общество при свете Майдана», в которой она прямо заявила, что российское общество «при свете Майдана выглядит позорно». Поэтесса посчитала, что российское общество совершенно напрасно относится с недоверием к идее революции, в то время как революция — это совсем не плохое явление, и что свободолюбивый украинский народ, наконец, сделал то, что российскому ещё только предстоит. Примечательно, что эти заявления сделал человек, по роду своей деятельности не имеющий

никакого отношения к политике или политологии. Но в данном случае она принимает на себя роль политического философа, который объясняет своим соотечественникам, что их общественно-политическую позицию в сравнении с идеалами «майдана» иначе как «позорной» не назовёшь. Примечательно, что статья, о которой идёт речь, была опубликована в те дни, когда в киевские морги уже поступали трупы людей, участвовавших в столкновениях с силами правопорядка, то есть когда уже было понятно, что никакой бескровной революции не будет. Но в описании О. Седаковой происходящее на площади Независимости было коллективной молитвой: «Огромная площадь, которая с воодушевлением поёт вместе национальный гимн, читает «Отче наш». Поэтесса не скрывала своего восторга по поводу происходящего. С её точки зрения, это было невыразимо прекрасно: наконец-то свершилось первое христианское дело в современной постсоветской истории — народ сверг кровавого тирана. Приведённый случай восхищения «майданом» далеко не единственный, можно привести множество подобных ему.

Фактически в свете украинской «Революции достоинства» русская интеллигенция оказалась расколотой. Она не оказалась целиком левой, поддержавшей революцию, но все-таки значительная её часть пошла вслед за «светом майдана». Причём, многие из людей, поддержавших «майдан» были далеко не безграмотными людьми. Например, среди них оказался Константин Сигов. Именно по его приглашению в Киев приезжал французский философ и консультант президента Саркози Бернар Анри-Леви, человек, на чьих руках кровь миллионов мирных граждан Ливии и Сирии. 10 февраля 2014 года Бернар Анри-Леви, выступая на площади Независимости, бросил лозунг: «Мы все украинцы» — точно так же, как за два года до этого он провозгласил: «Мы все ливийцы». Чем это закончилось для Ливии, было прекрасно видно уже в 2014 году. И этот человек, совершенно одиозный во французской интеллектуальной среде, был привезён на Украину христианским публицистом, главным редактором издательства «Дух и Литера»,

ректором Православного института имени Петра Могилы, издателем полного собрания сочинений С. С. Аверинцева на русском языке.

Оказалось, что люди, которые были связаны с церковным возрождением 90-х годов, люди, которые поднимали на щит заветы В. С. Соловьёва, которые вслед за С. С. Аверинцевым цитировали его переводы книги Иова и Евангелие от Иоанна, оказались по ту сторону баррикад, оказались не просто сочувствующими «майдану», но и его главными действующими лицами. Странники «майдана» — это не только радикальные украинские националисты, но и видные деятели современного православия. Именно поэтому представляется важным проследить и понять, как зарождается и прогрессирует революционная болезнь. Процессы, которые происходили в сознании русской интеллектуальной элиты в 1905 году и во время «Революции достоинства» в 2014 году во многом очень похожи.

Поэты, писатели, а часто и философы не случайно аллегоризировали понятие революции, превращая его в некое божество. В революции, действительно, есть много от живой идеи, которая пленяет, увлекает за собой человека, поселяет в его душе творческую страсть. Но это разрушительная страсть. Об этом пишет и один из классиков русского анархизма и революционного движения М. А. Бакунин в статье «Реакция в Германии» 1842 года. Бакунин публиковал свои статьи в немецких ежегодниках, там же, где публиковался его современник К. Маркс. «Страсть к разрушению — это творческая страсть», — пишет Бакунин. Иными словами та же самая мысль выражена в гимне интернационала: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...». Но что будет «затем» — не совсем понятно, потому что выдвигать утопические идеи легко, как и легко рассказывать, как «затем» всё будет прекрасно. Но «затем», как правило, наступает полная разруха, гораздо хуже, чем была «до того». И эта разруха продолжается до тех пор, пока не приходит деспот, тиран, который фактически осуществляет контрреволюцию. Как это сделал И. Сталин, который, используя терминологию К. Н. Леонтьева, «подмораживал» революционные

процессы и уничтожал эту горячку вместе с её разносчиками, самими авторами революции.

Бумеранг революции всегда возвращается к тем, кто её породил — это железное правило любой революции. И репрессии рубежа 1920-1930-х годов начинались с расправ над ближайшими соратниками Сталина. Уничтожались все те, кто самоотверженно шёл в революцию: Бухарин, Зиновьев, Рыков, Троцкий, Каменев. Это были ещё не Флоренские, Шпеты, Мандельштамы. Это были самые преданные и верные борцы за революцию. В этом контексте огромный интерес представляет статья Н. И. Бухарина, опубликованная в энциклопедическом словаре Гранат, отличительная особенность которого была в том, что автор мог написать здесь статью о самом себе. Словарь этот был посвящён деятелям революции, и Бухарин в статье о себе описывал некоторые любопытные подробности своей юности. Он описал, как прочитал «Краткую повесть об антихристе» В. С. Соловьёва, в которой антихрист предстаёт в виде гуманиста, социалиста и филантропа, приходит к власти во всём мире под знаком всеобщего мира и прогресса, стремится принести людям процветание и свободу от войн и насилия. И вот Бухарину начинает казаться, что он и есть этот самый антихрист, и ему в голову очень сильно западает эта мысль. А поскольку антихрист по Новому Завету происходит от матери-блудницы, он обращается к своей матери, очень порядочной женщине с расспросами, чтобы выяснить, не блудница ли она. Кроме того, Бухарин приносит из храма Причастие и выплёвывает его, чтобы показать своим друзьям, что это не Тело Христово, а обыкновенный хлеб. Таков один из кумиров революции, впоследствии погребённый под её лавиной. Можно также отметить, что именно Бухарин в 1935 году не был казнён, а покончил с собой в тюрьме. При этом написал пронзительную, в духе риторики Цицерона, предсмертную записку: «Ухожу из жизни. Опускаю свою голову не перед пролетарской секирой, должной быть беспощадной, но и целомудренной. Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь, вероятно, методами средневековья, обладает исполинской силой...» и т.д. Он вы-

ставляет себя фанфароном, актёром, который даже смерть свою может превратить в спектакль.

У многих людей, читавших в советское время революционное стихотворение Александра Блока «Двенадцать», возникало серьёзное недоумение, когда они доходили до последних строк этой поэмы, получившей своё название с определённой аллюзией на двенадцать апостолов. В этом стихотворении описывается марш двенадцати революционных матросов, а в конце есть такие строки:

*Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.*

Эти строки нередко шокировали читателей поэмы, и, в некоторых популярных её перепечатках слова «Иисус Христос» заменялись на «впереди идет матрос», потому что многим тогда было не понятно, что делает Иисус Христос среди революционных матросов? Кроме того, обращает на себя внимание написание имени Христа — почему не Иисус, а Иус? Такое написание не случайно, так Имя Христово писали старообрядцы. То есть в стихотворении Блока мы встречаем именно Христа староверов, а староверы, как известно, видели в государстве, самодержавии и в «никонианской» Церкви царство антихриста. Это были люди, которые уходили в скиты, а нередко и сжигали себя в срубах. Именно это действие гениально изображает М. П. Мусоргский в финале своей «Хованщины»: коллективное самосожжение старообрядцев в срубе, добровольный уход из мира и из жизни людей, которые не хотели ничего принимать от этого «князя мира сего» и его «антихристов» царства. Поэтому уже из стихотворения Блока становится понятно, что тема христианства как некой революционной силы, которая должна поднять народ на борьбу с «постылым самодержавием», далеко не случайна.

Тема революции проникает в сознание русской интеллигенции гораздо раньше революции 1905 года. Так, ещё Владимир Соловьёв, негодуя на Александра III, который попустил голод на юге России, пишет ему исполненное негодования письмо. Философ пишет монарху, что он собирается ехать в Киев к генералу Радомирову, который был тогда киевским губернатором, чтобы договариваться с ним о поднятии мятежа, о революции. И своим знакомым в 1891 году Владимир Соловьёв показывает подкладку своего пальто и говорит: «А подкладочка-то у меня красненькая». Впрочем, ещё десятью годами ранее, 28 марта 1881 года, вскоре после того как на Екатерининском канале в Петербурге был совершён теракт, в результате которого погиб царь-освободитель Александр II, В. Соловьёв читает лекцию о ходе русского просвещения, во время которой он говорит о том, что поскольку русский народ христианский, и «все мужики — христы», а «все бабы — богородицы», постольку государь-император, сын погибшего, должен простить народовольцев, и это будет величайшим исполнением «правды Христовой», потому что христианин не может отвечать убийством на убийство. И если государь простит убийц, то народ падёт пред ним на колени, а если не простит, то народ имеет моральное право отпасть от государя. Эта лекция известна в многочисленных списках, которые и до настоящего времени хранятся в государственном архиве РФ, в архиве полицейского управления (поскольку это были те документы, по которым Соловьёв мог быть сослан в Сибирь). В результате имя Соловьёва первоначально даже было включено в план «монументальной пропаганды» 1918 года, так как Соловьёв этой своей лекцией о первоапрельцах фактически участвовал в освободительном движении. Но Ленин недрогнувшей рукой вычеркнул фамилию Соловьёва из этого списка, и памятник Соловьёву так и не был поставлен. Однако А. Ф. Лосев, издавая в 1983 году свою книгу о Соловьёве, объяснял читателю: «Да, идеалист, но не этот ли идеалист, служа социальным идеалам, требовал прощения цареубийцам?»

В 1880-е годы Соловьёв написал серию статей о русском расколе, о Владимире Святом, и о Русском государстве, где он следующим образом говорил о старообрядцах: «Большая и наиболее последовательная часть раскольников превосходно выразила самую сущность нашего национального вопроса, заявив, что цезарепапистское государство и официальная Церковь как его орудие представляют царство антихриста». В данном случае Соловьёв делает это заявление не от себя, а от лица старообрядцев. И трудно спорить с тем, что, например, для протопопа Аввакума это действительно было так, но совершенно очевидно и то, что Соловьёв излагает эти идеи с определённым сочувствием. Неслучайно его друг, человек, который относился к нему с величайшей симпатией, Константин Николаевич Леонтьев, русский консервативный публицист и дипломат, в 1891 году, перед тем как умереть в гостинице Троице-Сергиевой лавры от пневмонии, рвёт на кусочки фотокарточку Владимира Соловьёва и пишет своему другу священнику И. Фуделю: «Изгнать Соловьёва из пределов империи нужно, а книги его запретить, и проповедь его остановить, потому что она может быть разрушительна».

1890-й год — это пик либерализма для Соловьёва, пик его левизны. В дальнейшем, в своей «Краткой повести об антихристе» он фактически встаёт на позицию Константина Леонтьева, становится консерватором. Но в 1891 году Соловьёв всё ещё ультралиберал, один из авторов «Вестника Европы», и Леонтьев очень хорошо понимает, к чему идеи Соловьёва, хотя и не им придуманные, могут привести. Соловьёв говорит о том, что христианство продвигалось в жизнь и проповедовалось не христианами. Христиане, по его тогдашнему мнению, только и делали, что устраивали костры инквизиции, крестовые походы, жгли, душили, убивали, а вот атеисты продвигали дело Христово. То есть Соловьёв считает, что Чернышевский, или Белинский, или Бакунин в большей степени христиане, чем митрополит Никанор или какой-либо другой епископ. Его логика мысли совершенно понятна.

Константин Леонтьев, когда приходил к Михаилу Каткову, чтобы обсудить вопрос издания своего труда «Византизм и славянство», (а Леон-

тьев в то время был уже близок к монашескому постригу, ходил в подряснике и выполнял послушание в Николо-Угрешском монастыре), получил от Каткова ответ следующего содержания: «Не буду печатать «Византизм и славянство», и вообще, зачем подрясник надели, зачем в Церковь подались, что это за клоунада такая? Герцен был гораздо более христианин, чем все эти попы». То есть даже из консервативной среды тогда слышались голоса, которые говорили о том, что христианство следует искать не в Церкви, «не в тусклом и закопчённом храме». Есть очень близкое к этому умонастроению стихотворение Дмитрия Мережковского, которое замечательно переложил на музыку Сергей Васильевич Рахманинов:

*«Христос Воскрес» — поют во храме;
Но отчего душа молчит:
Мир полон болью и слезами,
И этот гимн пред алтарями
Так оскорбительно звучит.*

Дальше в этом стихотворении Мережковский говорил о том, что если бы Христос был здесь и увидел, «как брата брат возненавидел, как опозорен человек», то, наверное, в этом поющем храме Христос пал бы ниц и зарыдал. От этой мысли совсем недалеко до идеи о том, что подлинное христианство следует искать не в храме, а в христианском братстве борьбы, в революционном кружке, в сходке, в обществе, которое во имя великой цели хочет убить царя.

Священник Павел Флоренский, мученик, расстрелянный в 1937 году, в 1906 году описал один весьма любопытный эпизод в своих воспоминаниях об отце Серапионе (Машкине). В 1905-м году отцу Серапиону сообщили, что только что террористом Иваном Каляевым¹

¹ Имя Ивана Каляева и до настоящего времени носят топонимы во многих городах России. В связи с этим можно также вспомнить, что Иван Каляев убил не только великого князя Сергея Александровича, но и его извозчика, ни в чем не повинного человека.

был убит губернатор Москвы, великий князь Сергей Александрович. Отец Серапион на это сказал: «Ой, бедный, бедный. Что же ему теперь будет!» «Как что, его же убили!», — возразили ему. «Да нет, я не про него, я про Каляева. Как же теперь этот несчастный террорист, его же, наверное арестуют, казнят», — пояснил отец Серапион. Здесь прекрасно видно то совершенно поразительное сочувствие русской интеллигенции к террористам. Террористы выросли в сознании интеллигенции до святых праведников и мучеников, в то время как террор, якобы осуществлявшийся во имя Христова, полностью оправдывался, легитимировался и освящался. И этот тезис — не преувеличение.

Валентин Павлович Свенцицкий, тоже священник, исповедник, но только после 1917 года. А в годы Первой русской революции — это один из самых радикальных революционеров, человек, который создаёт «Христианское братство борьбы». Туда входят Владимир Эрн, Сергей Булгаков — будущий отец Сергей Булгаков; этому братству сочувствует и Павел Флоренский. Это братство в своих подпольных изданиях печатает различные прокламации. Например, на убийство лейтенанта Шмидта², который был казнен за севастьяпольский мятеж. Итак, Свенцицкий написал прокламацию на убийство лейтенанта Шмидта, которая называется «Со святыми упокой»:

Лейтенант Шмидт, Каляев, убивший великого князя, Балмашёв, убивший Сипягина, неизвестный человек в морской форме, покушавшийся на жизнь Дубасова, и десятки тысяч других, казнённых русским правительством, — кто все эти люди? Разбойники или святые? Христиане привыкли от черносотенных пастырей и продажных газет слышать на этот вопрос резкий и определённый ответ: революционеры, бунтовщики, забастовщики — это кровопийцы, безбожники и злодеи. Наша Церковь проклинает их за то, что они убийцы. Но когда губернаторы, солдаты, полиция сжигают селения, засекают до

² Это ещё одно известное имя и топоним — мост лейтенанта Шмидта до сих пор существует в Санкт-Петербурге.

смерти, расстреливают без суда — Церковь молчит. Когда революционеры убивают министра — о душе убитого молятся во всех храмах. Когда правительство убивает революционера — оно запрещает служить панихиды. Правительству мало казнить — оно боится, что Бог услышит молитвы и простит убийцу. Оно принимает административные меры, чтобы грешник попал в ад!.. Правительство и продажная часть духовенства говорит вам: Каляев, Балмашёв, Спиридонова и др. — злодеи. Мы говорим — святые. Бог сказал «не убий» — и мы веруем, что всякое убийство грех. Но грешат и святые, и за великие подвиги им прощаются грехи их. Простятся ли так же грехи этим убийцам? Мы глубоко убеждены, что да, простятся.

Фактически, Свенцицкий подменил собой Бога, он простил террористам их грехи, он в этом «глубоко убеждён». По мнению Свенцицкого,

и Каляев, и Балмашёв, и Спиридонова, и десятки других, им подобных, убившие должностных лиц, сами идут на верную смерть. Многие ли среди христиан, проклинающих этих людей, готовы отдать свою жизнь за счастье своего народа? Пусть убийца заблуждался, пусть нельзя убийцам достигнуть счастья, но ведь тот, кто бросил бомбу, убеждён, что, убив злодея-губернатора, он спасает народ. Он убивает не для своей выгоды; он знает, что его повесят. Он отдаёт свою жизнь — лишь бы легче жить народу.

И дальше Свенцицкий восклицал, что «Желябов свят», «Софья Перовская святая». Но это уже не просто «святой Герцен», «святой Бакунин» и «святой Чернышевский» — святые русской интеллигенции. Это уже «святые убийцы», которые были провозглашены не советской властью, не Луначарским, не Лениным после 1918 года, а в 1906 году Свенцицким, христианским публицистом, идеи которого лежат в основе русской религиозной философии. Святыми провозглашались террористы и убийцы.

В 1878 году, когда Александр II был ещё жив, по России гуляла волна террора. Каждую неделю убивали губернатора, вице-губернатора, полицмейстера какого-нибудь города, газеты печатали сводки о разгуле нигилистов, только седьмое покушение на жизнь царя оказалось успешным. Семь раз покушались на Александра III! И вот в Петербурге начался процесс по делу Веры Засулич. Молодая террористка покушалась на жизнь Санкт-Петербургского генерал-губернатора Фёдора Трепова и ранила его. Причина покушения была в том, что Трепов отдал приказ высесть студента Боголюбова, который находился в предварительном заключении в тюрьме. Засулич оскорбил произвол со стороны губернатора, и она решила его застрелить. Суд присяжных закончился оправданием Веры Засулич. Но даже прокурор, Анатолий Фёдорович Кони, великий русский юрист, памятник которому стоит на территории Московского университета возле социологического факультета, произнёс амбивалентную речь, вместо того, чтобы решительно осудить террористический акт, покушение на убийство.

В это время композитор Пётр Ильич Чайковский находился во Франции и написал Надежде Филаретовне фон Мекк, своей многолетней корреспондентке, по поводу суда над Засулич письмо, содержание которого заключалось в следующем: «Вы знаете, во Франции тут все в панике. Они спрашивают: «У вас что, в России, революция? У вас царя свергли? Почему Засулич оправдали?» Французы вообще не могут понять, что происходит». Это письмо наглядно демонстрирует то впечатление, какое произвёл оправдательный приговор Вере Засулич в Европе.

Конечно, самодержавный строй был не идеален. Никак нельзя оправдать «Кровавое воскресенье». Нельзя нравственно оправдать Николая II за расстрел демонстрации 9 января, несмотря на то, что он почитается как святой. Он святой, новомученик, но он не был идеальным человеком и совершал ошибки. Поэтому недопустимо канонизировать террор как православное средство борьбы за свобо-

ду и процветание народа. В наше время много говорится об угрозе исламского экстремизма и терроризма. Но что лежит в основе терроризма? — Потеря ценности человеческой жизни. В соответствии с представлениями исламского экстремизма, человек должен пожертвовать собой, чтобы убить как можно больше «неверных» и таким образом заслужить себе посмертное пребывание в раю. Общественный деятель Гейдар Джемаль всегда говорил об этих людях, что «они своё получают». Фактически он оправдывал исламский терроризм. Представление о том, что ради всеобщего счастья можно пожертвовать жизнью нескольких тысяч людей — это крайне порочная схема мышления. Однако ещё Виссарион Белинский как-то писал Боткину письмо с таким смыслом: «Если ради нашей грядущей победы надо будет убить десять тысяч человек, да, мы пойдём на это, да, мы прольём кровь». Этой идее противоположна мысль Достоевского «о слезинке ребёнка». Иван Карамазов говорит, что он возвращает свой билет Богу, свой билет в рай, если он оплачен слезинкой одного невинно замученного младенца. Конечно, не стоит превращать эту фразу в некий догмат, она весьма спорная, но, во всяком случае, это ответ Достоевского революционерам. Рай не может быть построен на слезах и крови невинно убиенных.

Задача земной политики и задача интеллигенции состоит не в том, чтобы построить рай на земле, производить новых мучеников, отправлять сонмы своего народа на страдания. Однако русская интеллигенция в начале XX века думала иначе, она стремилась найти оправдание революции в христианских понятиях, в категориях христианства, и нечто похожее мы находим во взглядах современной нам интеллигенции, которая пытается оправдать «майдан».

Следует отметить здесь и роль Д.С. Мережковского, известного в истории философии как человека, изучавшего и создававшего вместе со своей супругой Зинаидой Гиппиус такое понятие, как «новое религиозное сознание» — мечту о новом христианстве, о христианстве «святой плоти», где будут оправданы плотские похоти и прихоти человека.

Например, гомосексуализм или сожителство втроём, так называемые тройственные браки. Мережковский экспериментирует и на пытается реализовать эти идеи на практике. Экспериментирует в том числе в религиозном смысле. Известно, что он в своей петербургской квартире устраивает с единомышленниками нечто вроде новой церкви, участники которой участники шьют «облачения», служат «литургию» и сами друг друга «причащают» — кровью студента-еврея. Сохранились воспоминания, как они приглашают еврейского студента, делают надрез на руке, смешивают его кровь с вином и таким образом «причащают» друг друга. У этих людей складывается стойкое ощущение, что христианство — это поле для духовного творчества и эксперимента. Этот путь размышлений привёл их к идее «где мы, там и Церковь». Эта мысль полностью совпадает со словами поэта Вячеслава Иванова: «Свершается Церковь, когда друг другу в глаза мы глядим».

Такое примитивное понимание организма Церкви неизбежно зачастую ведёт к ощущению вседозволенности и искажению духа христианской веры. Фактически перед нами раскрывается исповедание некой новой веры. Позже, в 1908 году, Мережковский напишет в «Обезьяньих лапах», в эссе по поводу творчества Леонида Андреева:

«Христос есть вечное «да» всякому бытию, вечное движение вперёд и вперёд от космоса к логосу, от логоса, богочеловечества к боговселенной — да будет Бог всё во всем. Антихрист есть вечное «нет» всякому бытию, вечное движение назад и назад от космоса к хаосу, от хаоса к последнему ничтожеству — да будет всё ничто в дьяволе, в духе небытия. В этом смысле Христос — религиозный предел всякой революции; антихрист — религиозный предел всякой реакции. Вот почему принявшая религию бытия христианская, вернее, Христова Европа, — вся в революции; принявшая религию небытия, антирелигию, буддийская Азия — вся в реакции.

Религия и революция — не причина и следствие, а одно и то же явление в двух категориях: религия — не что иное, как революция в категории Божеского; революция — не что иное, как религия в кате-

гории человеческого. Религия и революция — не два, а одно: религия и есть революция, революция и есть религия».

Можно сказать, что именно так выглядит тот долгий эволюционный путь, который проделает Мережковский, чтобы в 1942 году выступать на немецком радио с филиппиками в адрес Гитлера, которого он будет всячески восхвалять незадолго до своей смерти — это и есть «достойная» духовная революция, «достойный» духовный путь.

Что же касается объединения религии и революции, то эта идея встречается и у французских экзистенциалистов: у Сартра и Камю. Так, идеи атеистического экзистенциализма Сартра легли в основу студенческого бунта 1968 года. Сартр и в особенности Камю, который начал творческий путь с изучения раннего христианства, гностицизма, апокалиптических сект, будут говорить, что Христос — это главный «революционер» и что христианство — «религия бунта» против сильных мира сего.

Изучение этих необычных и зачастую шокирующих трактовок христианства позволяет лучше понимать и предсказывать, как ссылки на христианство могут использоваться в сложных мировоззренческих и политических процессах сегодня. Скорее всего, если спросить у бывшей студентки МГУ Надежды Толоконниковой, является ли она антихристианкой, она ответит «нет». Она даже публично говорила, что она верит в Христа и заявляла, что их акция в Храме Христа Спасителя (выступление «Пусси Райот») осуществлялось в соответствии с христианским служением, поскольку в «панк-молебне» якобы осуществляла кару Христова в отношении власть имущих. Это и подтверждают и другие заявления участников этой протестной группы. Например, после выхода из тюремного заключения они высказали мысль о том, что для осуществления «христианского служения» необходимо ездить по российским тюрьмам и отдаваться заключенным, выступая в качестве бесплатной блудницы. Такая странная «христианская миссия»...

Безусловно, такие заявления плохо вяжутся с идеалами христианства, которое накладывает на человека печать ответственности

за его целомудрие и духовную чистоту. Они создают некое иное христианство и строят совсем иную церковь.

Однажды на мероприятии в музее Достоевского один человек убеждал меня в том, что Сталин — это «истинный христианин» и истинно верующий человек. Я же ему отвечал, что если Сталин — это «святой православной церкви», тогда, видимо, я член какой-то другой церкви, потому что смириться с этим утверждением православному христианину не просто трудно, а невозможно. Ведь можно понять и даже иногда принять личности многих неоднозначных исторических фигур, например, Грозного, Распутина, Сталина. Но не молиться им как святым.

Поэтому церковь Толоконниковой — это тоже какая-то особая, отдельная церковь. Сложно согласиться с тем, что то, как она мыслит христианское служение, христианскую проповедь, как она трактует совершённую провокационную акцию в храме Христа Спасителя, — это христианская проповедь. Это, по всей видимости, иная религия, основанная на синтезе отдельных христианских терминов и современного агрессивного секулярного мировоззрения и трудно соединяемая с образом Иисуса Христа.

Современные либеральные активисты часто заявляют, что «вера без дел мертва» и призывают к публичным действиям, к участию в митингах. Возникает непростой вопрос, как к таким призывам должен относиться православный человек.

У Владимира Соловьёва есть замечательное выражение — «образ Иисуса Христа как проверка совести». Оно означает, что когда ты что-то совершаешь, например, проводишь политическую акцию, задай себе вопрос: «А Христос пошел бы с тобой? Вышел бы Он на площадь, кричал бы эти лозунги, использовал бы белые ленты?» В связи с этой темой следует привести случай, упоминавшийся Антоном Владимировичем Карташёвым, профессором богословия, который во времена Русской революции был весьма либерально настроенным священником. Он описал своё общение в Киеве с отцом Сергием Бул-

гаковым в 1905 г. Карташёв говорит, что Булгаков, молодой профессор политехнического института, настолько был воодушевлён царским манифестом 17 октября 1905 г., что произнёс перед студентами в высшей степени эмоциональную, экзальтированную речь на тему «Века сошлись с веками» и после этого вывел студентов на протестовавшую площадь. И хотя формально народ отмечал принятие царского манифеста, на самом деле это была революционная акция. Все студенты повязали в петлицы красные банты, народ шёл по улицам Киева, срывал гербы Российской империи, штандарты, флаги — таково было «ликование народа». Увидев всё происходящее, Булгаков неожиданно почувствовал внутреннее отвращение, присутствие в этой картине духа антихриста. Булгаков позже рассказывал, как ушёл с этой манифестации, вернулся домой и бросил свой красный бант в клозет. Важно понимать, что в то время это был человек сильных левых убеждений. Для Булгакова в то время христианство было ещё отдалённым от жизни идеалистическим учением, набором идей, которое описывал Достоевский. Тогда Булгаков читал публичные лекции об Иване Карамазове, критиковал Фейербаха, но это ещё был совсем «интеллигент» — даже не тот Булгаков, которого мы увидим в 1909 году в «Вехах». Со временем он перешёл от марксизма к идеализму, а от идеализма к православию и Церкви.

«Вехи» требуют особого рассмотрения. Это поразительный документ: семь русских людей (хотя с точки зрения национальности там были не только русские) объединяются и хотят сказать решительное «нет» революции. Они заявляют, что революция — это потеря корней, отрыв от жизни народа, это интеллигентская болезнь, которая называется идейность, «фанатизм идеи». В эпилоге романа «Преступление и наказание» Достоевского есть эпилог, который часто опускают при разборе произведения в школе. В нём описывается Раскольников на каторге и сон, который ему снится:

Ему грезилось в болезни, будто весь мир осуждён в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей

из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одарённые умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали заражённые. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовёт, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спастись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса.

Это пророческий текст Достоевского, где он изображает собственно революционную болезнь, горячечный тиф революции, одер-

жимость идеями, вычитанными у Лассаля, Бебеля, Маркса, когда возникает упрямая вера в то, что эти идеи и есть истина в последней инстанции, а все, кто эту идею не принимает, должны быть уничтожены. Веховцы обличали именно этот фанатизм идеи. Гершензон так же описывает русского интеллигента, как Достоевский описывает трихины. Он говорит, что это человек колеблющийся, без системы ориентиров: он то клянётся освободить народ и ругает товарища за выпитую бутылку шампанского, то спит на гвоздях, как Рахметов, то предается самому последнему блюду и опускается до последнего дна. Потому что, как бы сказал Платон, у таких людей «алтарь души пуст». Сам по себе такой революционер может быть и неплохим человеком, но он несётся туда, куда его несёт толпа, и пускается во все тяжкие. У него нет своей головы, своего ума, ему надо встать на протестующей площади, взявшись за руки в цепочку с другими участниками протеста против общего идейного врага. В дальнейшем это фактически ведёт к оправданию насилия и гражданской войны как метода устранения всего того, что не подпадает под его философию, его представление о человеческом достоинстве.

В заключение стоит обратить внимание на два разных понимания самого термина «революция». Моему поколению, поколению учеников советской философской школы (а советская философская школа — это Гегелевская школа, поскольку Маркс весь стоит «на плечах» Гегеля) внушали, что революция — это высшая форма осуществления исторического прогресса, что мировая история — это история революции. История якобы сначала развивается медленно, инерционно, затем складываются и накапливаются предпосылки для перемен и скачка в развитии общества, и начинается революция. Верхы не хотят, а низы не могут. Такова диалектика производительных сил и производственных отношений: раз силы ушли вперед, а отношения отстали, значит, отношения надо революционизировать. Это можно сравнить с распространённым сегодня мнением о необходимости для каждого человека пережить несколько браков: сна-

чала ты женишься в студенчестве, затем жену бросаешь и берёшь себе молодую. Ведь отношения надо «революционизировать»: силы ушли вперёд, а отношения отстали. Такую же логику применяют и к истории.

Константин Леонтьев считал с точностью до наоборот: что революция — это не высшая форма эволюции, а антоним эволюции. Эволюция — это развитие по восходящей, а революция — это «развитие» по нисходящей, это разложение, вторичное смесительное упрощение, хаос. Всякая революция несёт за собой деградацию и декомпозицию общественных отношений и только реакция может привести общество в какой-то относительный порядок. «Убийство революции», отход от её принципов вынужденно совершали Ленин, введя НЭП, и позже Сталин. Леонтьев в поздних своих работах «Национальная политика как орудие всемирной революции» и «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» неоднократно говорит, что революция — это «вторичное упрощающее смешение»:

Я же потому предпочитаю всем этим терминам мой термин вторичного упрощающего смешения, что все поименованные названия имеют смысл гораздо более тесный, чем моё выражение; они имеют смысл — политический, юридический, социологический, пожалуй, не более, не шире и не глубже. Мой же термин имеет значение органическое, естественно-историческое, космическое, если угодно; и потому может легче этих других перечисленных и несколько подкупающих терминов раскрыть, наконец, глаза на это великое и убийственное движение людям...

Леонтьев полагает, что национальное потворствование славянам только за то, что они славяне, болгарам — только за то, что они болгары, сербам — за то, что они сербы, полякам — за то, что поляки, может привести к революции. И добавляет:

Нужно теперь не славянолюбие, не славянопотворство, не славяноволие, — нужно славяномыслие, славянотворчество, славяноособие — вот что нужно теперь!.. Пора образумиться!.. Панславизм же во что бы то ни стало — это подражание и больше ничего. Это идеал современно-европейский, унитарно-либеральный, это — стремление быть как все. Это всё та же общеевропейская революция.

Таким образом, революция — это не прогресс, пускай тяжёлый, пускай больной. Революция — это регресс, движение, обратно направленное эволюции. Константин Леонтьев вносит важное смысловое понимание этого явления. Среди же современной либеральной интеллигенции существует мнение, что революция — это большое благо, которое даже может провести в жизнь христианскую идею.

У русской религиозной философии исторически присутствует как левая сторона, так и правая. Большая часть русской философии отражает именно левую сторону, русскую левую идею, объединившую впоследствии Третий Рим и Третий Интернационал у Николая Бердяева. Например, Н. Бердяев в конце своей жизни пришёл к частичному приятию революции, потому что считал, что нет большой разницы между иноком Филофеем и Сталиным, поскольку оба осуществляли «апокалиптичность» русского народа, его устремлённость к надземным, надматериальным высям.

Но была в русской философии и консервативная струя, которая заключалась не только в политических философах, например, таких как Лев Тихомиров, который сам был раскаявшимся революционером-народовольцем, или как Константин Леонтьев, который тоже был разочарованным социалистом. Одним из таких консервативных русских философов был Алексей Федорович Лосев.

Президент В. Путин процитировал в Федеральном послании роман А. Лосева «Жизнь», который был написан им в 1930-е годы. Лосев как никто другой, с хирургической аккуратностью и точностью

вскрыл и проанализировал миф революции. Эта книга потрясающим образом показывает, как работает мифологизация революционной идеи. По Лосеву, эта мифологизация связана с определённым типом личности, который основывается на возрожденческом, либерально-секулярного мировоззрения. В свою очередь это мировоззрение строится на поощрении полярности и сингулярности, на идее о том, что каждый человек является сам себе господином и имеет право создавать свою философию, как это делает Раскольников. Герой Достоевского убивает людей, потому что ему важно проверить свои философские гипотезы.

Лосев в «Диалектике мифа» и в последующей книге «Дополнение к диалектике мифа» показал идейную генеалогию революции. Он отмечает, что революция, сходка, революционная демонстрация, конспиративная квартира — это антихристов дух, а монастырь, молитва, дворянская усадьба, рядом с которой находится храм, сосредоточение на своих грехах и покаяние в них, представление о своем собственном несовершенстве и совершенстве одного Бога — это дух Христов, христианство. Лосев чётко показывает различие этой ложной и истинной мифологии в «Диалектике мифа». За эти убеждения его отправили рыть Беломорканал. Правда, потом отпустили, но он уже ослеп, и всю оставшуюся жизнь писал книги вслепую, под диктовку.

В 1996 году в журнале «Источник» (журнал архива президента РФ) опубликовали следственное дело Лосева, после чего была организована настоящая травля этого уже ушедшего из жизни философа (Лосев умер в 1988 году, дожив до 95 лет, соединив своей жизнью Серебряный век и горбачевскую эпоху). Три автора: Поливанов, Кацис и Шушарин — в газете «Сегодня» напечатали три статьи, где Лосев был обозван антисемитом, монахом, дважды женатым, человеком полупросвещения, полуобразованным и так далее. Человек, который написал гениальное восьмикнижие, перевёл Плотина, не угодил своим взглядом на природу революции и был подвержен остракизму.

Люди этих же настроений, интеллектуалы и интеллигенты, создавали «Союз 4 октября» в 1993 г., когда Ельцин расстрелял Белый Дом. Они заявили ему свою поддержку и аплодировали расстрелу парламента, который пытался обуздать президента, принимающего нелегитимные законы. Парламент был подавлен и уничтожен.

Люди, которые создавали «Союз 4 октября», которые травили Лосева в 1996 году и которые писали «свет Майдана» и кричали: «Слава Украине, героям слава», это, к сожалению, одни и те же люди. Сегодня никто не призывает этих людей изгонять из пределов империи или затыкать им рты, или не давать им печататься, как это часто происходило столетие назад: сегодня в России свобода, нет цензуры, и каждый человек может выражать свои убеждения. Но это не значит, что не нужно называть вещи своими именами. Задача каждого человека — понимать, где «ангел медный, гость небес», а где «ангел мрака, медный бес», как говорил Вячеслав Иванов, который вначале тоже очень радовался приближающейся революции, а в 1918 г. написал следующее стихотворение:

*Да, сей костёр мы поджигали,
И совесть правду говорит,
Хотя предчувствия не лгали,
Что сердце наше в нём сгорит.*

Вот тот урок, который даёт нам анализ либерально-христианского сознания, обольщающегося революцией.

ТРАМП И РОССИЯ

За неделю до президентских выборов в США вышла моя книга «Чёрный лебедь», посвящённая политической биографии Дональда Трампа. Самый популярный вопрос, который мне задавали на презентациях (до выборов их было несколько): «Зачем Вы написали книгу, которая через три, пять, семь дней будет никому не интересна? Ведь Трамп обязательно проиграет, а Хиллари Клинтон обязательно победит». Эти вопросы мне задавали даже мои друзья в «Фейсбуке»: «Неужели Вам не обидно потратить немалое количество времени, чтобы написать книгу, которая станет неактуальна буквально через неделю?» На что я отвечал: «Давайте подождем, быть может, через пять дней всё обернётся иначе, чем Вы думаете». Но мне снова возражали: «Как это может быть? Ведь все же знают, что победит Хиллари, это совершенно очевидно, иначе и быть не может. Трамп — несистемный человек, его никто не поддерживает, это «клоун», «спойлер», у него с Клинтон изначально была договорённость, что он пойдёт только для того, чтобы Хиллари обязательно выиграла». Все были убеждены, что Трамп обязательно проиграет. Надо сказать, что я начал писать эту книгу в феврале 2016 года, то есть когда Трамп ещё только начинал участвовать в праймериз Республиканской партии. И уже тогда у меня было несколько единомышленников, которые рассматривали Трампа как серьёзную кандидатуру на пост президента США.

Некоторое время назад был интернет-портал «Терра Америка». Он просуществовал сравнительно недолго, с 2012 по 2014 год. Нельзя сказать, что он был сверхпопулярен, но когда он прекратил свое существование, очень многие из тех, кто были с ним знакомы, стали

говорить, что теперь они почувствовали, насколько им его не хватает. Над сайтом работали пять-шесть человек, фактически это был портал частной американистики (за нами, командой этого сайта, не стояли никакие государственные институты, мы не были связаны с какими-либо организациями США и Канады или с официальной американстикой). Это было объединение людей, которые занимались Америкой, потому что она их всегда интересовала. И когда сайт прекратил свою работу, было ощущение, что мы потеряли что-то очень важное, без чего жить, наверное, уже не так интересно. Первым главным редактором сайта был Борис Межуев, последним — Дмитрий Дробницкий, я же работал там в отделе интеллектуальных исследований. Ещё в команде были две девушки, Наталья Войкова и Наталья Гейченко, которые занимались разного рода проблемами: гендерными и др. Связями с американскими экспертами занимался Никита Кукин. Также при запуске проекта с нами работал Алексей Черняев. После того как «Терра Америка» уже прекратила свое существование, мы с Дмитрием Дробницким и Борисом Межуевым по старой памяти регулярно собирались и обсуждали разнообразные американские проблемы, особенно в преддверии президентских выборов. Надо сказать, когда мы занимались анализом президентских выборов 2012 года, то с точностью до 94% предугадали состав администрации Барака Обамы второго срока. Мы были единственными, кто предсказал иранскую разрядку. Никто тогда в это не верил, но мы достаточно аргументированно показали, что Обама на втором сроке обязательно пойдет на сближение с Ираном. Итак, перед каждыми выборами в Америке мы собирались и обсуждали перспективы различных кандидатов. И когда мы начали обсуждать в конце 2015 года грядущие выборы, среди нас прозвучало имя Трампа, и мы пришли к выводу, что Трамп — человек, который имеет все шансы на то, чтобы, по крайней мере, выиграть республиканские праймериз и стать кандидатом от Республиканской партии. Более того, он имеет достаточно неплохие шансы на то, чтобы победить Хиллари Клинтон.

Именно с этого момента я начал заниматься сбором информации по Трампу и с февраля 2016 года писать книгу. Книга была закончена 15 сентября, почти весь год я посвятил работе над ней, и, действительно, было бы очень обидно, если бы через несколько дней после выхода в свет книга потеряла бы актуальность. Но этого не произошло, и, наверное, я и мои коллеги по «Терра Америка» были немногими людьми, которые были уверены, что Трамп победит. Его победа была обусловлена целым рядом объективных факторов и совсем не была случайной. Другое дело, что большинство экспертов эти факторы не видели или не хотели понимать.

Рассмотрев личность самого Трампа, можно выйти на анализ тех факторов, которые обусловили его победу. Сейчас про Трампа в России и во всём мире пишут и говорят больше, чем про любого другого политика. Поэтому неудивительно, что в настоящее время количество сведений о Трампе достаточно велико даже у среднестатистического потребителя информации. Но так было не всегда, и в самом начале президентской кампании Трампа к нему было распространено снисходительно-пренебрежительное отношение. Трампа расценивали как эксцентричного миллиардера, который воспринимает политику как шоу и который пошёл на выборы только для того, чтобы сделать себе дополнительную рекламу. Инерция этого отношения к Трампу ощущается до сих пор. Очень мало кто понимает, что Трамп — не просто очень серьёзный политик. По сути дела, он не столько человек, сколько информационный проект. Безусловно, он сам себя сделал этим проектом, но сейчас мы имеем дело не с человеком-Трампом, не с миллиардером-Трампом и даже не с избранным президентом-Трампом, а с очень сильно раскрученным политическим, политехнологическим проектом, который оказался ощутимо сильнее Клинтон. Потому что Хиллари Клинтон тоже не выступала как отдельная личность, за ней стояли интересы очень серьёзных финансовых групп.

Однако начать следует с того, что же это за человек — Дональд Трамп. Биография Дональда Трампа достаточно хорошо известна: он

происходит из семьи, наверное, как и все американское население, за исключением индейцев. Но предки Трампа прибыли в Америку сравнительно недавно. Его дед, немец по происхождению, которого изначально звали Фридрих Трумп, прибыл в Америку, что называется, без гроша в кармане в конце XIX века. Он испробовал себя на многих поприщах: был поваром, открывал ресторанчики, занимался мелким бизнесом. И всё с переменным успехом, пока не случилась золотая лихорадка, и толпы искателей приключений, хорошо известных нашим соотечественникам по рассказам Джека Лондона, не хлынули на Клондайк. Дедушка Трампа, который на тот момент владел несколькими небольшими ресторанчиками

в районе Сиэтла, понял, что золотая лихорадка открывает большие возможности не только для золотоискателей. Он быстро продал свой бизнес и уехал на Клондайк. Те же заведения, которые он продал, буквально через несколько месяцев смыло селом, так как в этих местах разлилась река. Это был первый случай, когда проявилась наследственная фортуна Трампов.

На Клондайке дед Трампа разбогател, главным образом потому, что он создал аналогичную сеть ресторанов-отелей, где посетителей очень хорошо кормили. Он создал большую сеть потребительской кооперации. Охотники сдавали ему по достаточно низким ценам мясо оленей, рыбу, а нанятые им повара всё это прекрасно готовили. Золотоискатели были не слишком избалованы вкусной едой (можно вспомнить ещё одну книгу Джека Лондона — «Тысяча дюжин», в которой описывается как человек вёз на Клондайк яйца, потому что золотоискатели очень хотели яичницу с беконом). Поэтому дедушке Трампа не составило большого труда преумножить свой капитал. Тем более что отели, которые он строил для золотоискателей, были наполовину отели, а наполовину — дома свиданий. На этом он разбогател ещё больше, учитывая тот факт, что валютой в то время был золотой песок. В этих отелях, как выяснил потом один из биографов Трампа, прямо в комнатах стояли маленькие весы, с помощью которых можно

было расплачиваться золотым песком. Дед Трампа достаточно долго этим занимался и скопил весьма большие по тем временам деньги. После этого он съездил обратно в Германию, появился в своём родном городе уже как богатый американец и женился на девочке из соседнего дома, с которой играл в детстве. Но женился не просто как сосед, а как миллионер из Америки. После этого он вернулся со своей женой в Соединенные Штаты. Там у них родился отец Дональда Трампа — Фредерик, Фред.

Мать Дональда Трампа — шотландка. Она происходит из достаточно известного шотландского клана Маклаудов. Есть такая шотландская легенда о существовании короля Маклауда, у которого было очень много потомков. Впрочем, мать Трампа, будучи потомком шотландского короля, родилась в семье рыбака, и родители её были далеко не богатыми. Она поехала в Соединенные Штаты искать лучшей жизни, потому что на родном острове, расположенном где-то около побережья Шотландии, перспектив хорошей жизни у неё не было, а в Америке уже жила её сестра. Она приехала в Соединенные Штаты, а на одном из танцевальных вечеров познакомилась с Фредом Трампом — будущим отцом Дональда, который к тому времени занимался недвижимостью. (Это важный момент, потому что Дональд Трамп известен как самый успешный, или, по крайней мере, самый раскрученный застройщик в мире.) Это был бизнес, начатый его дедом, который строил ресторанчики и отели, тогда как уже его отец перешёл к более массовому строительству, и в годы экономического процветания Америки, предшествовавшие Чёрной пятнице и Великой депрессии, он понял, что будущее за небольшими типовыми домами, рассчитанными на одну семью. Это был именно то время, когда в США начало развиваться одноэтажное строительство.

Домики, которые строил отец Трампа, были дешёвыми, простыми в изготовлении; к каждому прилагался небольшой садик. Такими домами Фред Трамп практически построил весь Квинс, который в то время был отдалённым пригородом Нью-Йорка. Затем ему в го-

лову пришла идея строить супермаркеты (изначально идея была не его, но он оказался одним из первых людей, которые начали строить в Америке супермаркеты). И к моменту рождения нашего героя (1946 год) Фред Трамп уже был одним из самых успешных застройщиков Нью-Йорка. Надо сказать, что Фред Трамп был человеком чрезвычайно строгих правил. Судя по воспоминаниям Дональда, отец ходил на работу, возвращался домой, проводил время с семьёй, рано ложился спать, рано вставал, потом снова уходил на работу, по воскресеньям ходил в церковь и был абсолютно идеальным американским бизнесменом. Но есть и небольшая ложка дёгтя в этом идеальном образе. Когда началась Вторая Мировая война, Фред Трамп решил отказаться от своего немецкого происхождения — в силу того, что немцы, по понятным причинам, стали не слишком популярны в Америке в это время. Он придумал себе шведскую генеалогию и достаточно долго представлялся всем в качестве шведа. Объяснял он это потом так: у него было много партнёров-евреев, и, чтобы их «не травмировать», он предпочёл придумать себе предков из нейтральной страны. Надо сказать, что Дональд Трамп по непонятным причинам в молодости тоже повторял легенду про своё якобы шведское происхождение, в результате чего журналисты уличили его во лжи. Он извинился, признал, что, действительно, никакой он не швед, а немец по происхождению.

Детство Дональда Трампа было довольно безоблачным, можно сказать, что у него было практически всё. Он родился, когда у Фреда Трампа был уже свой большой дом в Квинсе, ходил в очень хорошую частную школу, но характер у него уже тогда был тяжёлый. В детстве он был большим хулиганом и задирой, постоянно обижал детей в школе и во дворе, и родители решили отдать его в Нью-Йоркскую военную академию (заведение, подобное нашему Суворовскому училищу). Это тоже довольно привилегированное учреждение, и с улицы туда мало кто попадал (если вообще попадал). Но, несмотря на то, что это было действительно военное заведение, из его стен вышло не так уж много известных американских военных, зато вышло много известных

деятелей искусства, например, Фрэнсис Форд Коппола. В военной академии Трамп развернулся вовсю. Это как раз было то, чего ему, наверное, очень не хватало, потому что, с одной стороны, там была действительно жесткая дисциплина, с другой — присутствовала постоянная атмосфера конкуренции, борьбы. Он очень любил спорт, какое-то время был капитаном команды Нью-Йоркской военной академии, он играл во множество командных видов спорта и вообще был атлетичным молодым человеком. Впоследствии это сыграло свою роль в его жизни, но военная карьера его явно не прельщала.

После окончания Нью-Йоркской военной академии Трамп какое-то время хотел быть актером и вроде бы даже пробовал поступить в какую-то школу киноискусства, но потом всё-таки решил заняться бизнесом, которым занимался его отец. Поэтому он поступил в Уортонскую школу бизнеса и успешно там учился. Затем пришла пора идти в армию. И вот тут наступает один из загадочных моментов в биографии нашего героя, потому что в армию он не пошёл, а это как раз был период, когда шла война во Вьетнаме, и мало кто из американских юношей хотел туда попасть. Некоторые уезжали в Канаду, некоторые уклонялись от службы в армии любыми другими способами, которые были им доступны. Трамп потом заявлял, что он вытянул очень высокий номер лотереи (с определённого момента призывные номера в США стали разыгрываться в лотерею). Из барабана вынимался шарик с цифрами, и все молодые американцы призывного возраста, родившиеся в определённый день определённого месяца в году, подлежащие призыву, шли на призывной пункт. Было действительно много номеров, которые вообще не участвовали в этой лотерее, они просто не успели. И Трамп заявлял, что его число, месяц и год рождения как раз не участвовали. Это была правда, за тем исключением, что его призывной возраст наступил за полтора года до того, как начала работать эта лотерея. То есть теоретически он должен был пойти в армию. Не пошел, поскольку у него были медицинские отводы. И их было много. Он, как и все американцы, подлежащие призыву, проходил медкомис-

сии, и ему постоянно давали отвод по разным категориям. В основном потому, что у него были проблемы с голеностопом, характерные для людей, серьёзно занимающихся спортом. Но его последний медицинский отвод был без какой-то конкретной причины, и по нему Трамп был освобожден от призыва вообще, то есть не временно, а навсегда. Так обычно бывает, если у человека выявлена какая-то очень серьёзная проблема со здоровьем. В этом отношении интересно, что когда в 2016 году Трамп как кандидат от Республиканской партии проходил медицинское освидетельствование, врач, который его осматривал, заявил, что более здорового кандидата в президенты у них никогда не было. Естественно, журналисты раскопали эту историю про медицинское освидетельствование и задали ему вопрос: «Как может быть, что семидесятилетний кандидат в президенты более здоров, чем он же сам в двадцатилетнем возрасте?» Ответ так никто и не получил, но нельзя исключать (и об этом сказано в моей книге «Чёрный лебедь»), что Трамп, скорее всего, не попал в армию по причинам, связанным не с физическим, а с психическим здоровьем. Вероятно, что у него действительно есть некоторые проблемы, как минимум, с нервной системой, но, вполне возможно, и с психикой тоже. Это не говорит о том, что он плохой человек или «американский психопат», как его часто называют, но такие проблемы есть. Во всяком случае, были. Скорее всего, проблемы эти в основном связаны с тем, что в американской массовой культуре называют «управление гневом». Некоторые моменты из личной жизни Трампа, в частности, его ссоры с первой женой, свидетельствуют именно об этом.

Итак, окончив школу бизнеса, Трамп начал заниматься непосредственно девелоперским бизнесом, вначале на средства отца. Хотя он это и отрицал, было понятно, что без первоначального капитала, предоставленного ему отцом, у него ничего бы не получилось. Надо сказать, что все его ранние проекты были чрезвычайно удачны и успешны. У него действительно было и чутье бизнесмена-застройщика, и колоссальная работоспособность. Когда он делал свой первый ин-

дивидуальный проект (знаменитая башня Трампа), он дневал и ночевал на стройплощадке в прямом смысле слова. Он лично смотрел абсолютно за всем и, как прораб, вникал в каждую деталь. Естественно, он экономил на всём, на чём мог, нанял бригаду польских рабочих — нелегальных эмигрантов, которые не имели права работать, платил им три доллара в день, но в общем и целом ему удалось при минимальных издержках, не превышая смету (что для нью-йоркских застройщиков похоже на чудо), построить эту башню Трампа. Самое главное, что он получил на этом проекте — репутация застройщика, который делает всё в срок и без каких-то больших издержек. После этого проекта заказы посыпались на Трампа как из рога изобилия. Но нужно отметить ещё один важный момент: Трамп, конечно, активно использовал свои личные связи.

Начиная с самых первых его шагов в своей карьере, Трамп очень хотел стать «своим» среди высшего света Нью-Йорка. С этой целью он очень долго обивал пороги частного закрытого клуба на Манхэттене. С улицы туда никто и никогда не попадал. Но Трамп всеми правдами и неправдами сумел раздобыть телефон президента этого клуба и связался с ним. «Я — Дональд Трамп, очень хочу с Вами встретиться», — сказал Трамп в телефонном разговоре президенту клуба. Тот несколько удивился, но после двух или трёх звонков дал своё согласие, сказав: «Ладно, приходи в такой-то бар, выпьем». Дональд пришел, там был президент этого клуба со своим другом, и эти двое напились. Дональд Трамп вспоминал, что для него это было испытание не из легких, поскольку он вообще не пьёт. Трамп и сейчас не курит, не пьет, ведёт достаточно здоровый образ жизни. Это в какой-то степени результат юношеской травмы, потому что его старший брат, который, должен был стать наследником бизнеса его отца, в достаточно раннем возрасте умер от алкоголизма. И вот на глазах у непьющего Трампа президент клуба со своим другом напились до такой степени, что Дональду пришлось развозить их по домам. Каково же было его удивление, когда он прождал звонка от президента клуба несколько дней,

после чего позвонил ему сам, и выяснилось, что тот вообще ничего не помнит. Ни кто был с ним, ни что они где-то встречались. Дональду пришлось делать всё по-новому. Он опять с ним встретился, уговорил, чтобы тот вручил ему членскую карточку. Правда, президент клуба посмотрел на Дональда и сказал: «Вы такой молодой человек, а у нас в клубе очень много старых богатых людей с молодыми женами. Вы точно не будете их отбивать?» Дональд вспоминает об этом так: «Для меня это было несколько шокирующим, потому что у меня такой правильный отец, я привык к тому, что вообще нельзя смотреть на чужих жён». Вероятно, Трамп здесь сильно лукавит, но оставим это на его совести. В общем, он пообещал, что не будет отбивать чужих жен, получил членскую карточку и, благодаря ей, смог познакомиться с очень многими серьёзными людьми, которые ему очень помогли на начальном этапе его бизнес-карьеры. В основном это были юристы. В частности, он подружился с печально, но очень известным юристом по имени Рой Кон, который был одним из «цепных псов» сенатора Маккарти (он был действительно очень толковым юристом), и с людьми из мэрии Нью-Йорка.

Клуб, в который вступил Трамп, назывался «Le Club», на французско-английский манер. Это был закрытый клуб для очень богатых людей. По этому критерию Трамп туда вписывался. Однако туда принимали людей влиятельных и обладающих крепкими позициями в обществе. Входивший в него Рой Кон стал впоследствии одним из самых удачных контактов Трампа в годы его молодости. Это был адвокат-стервятник, который брал безумные деньги за консультации и за ведение дел, но при этом практически всегда их выигрывал, и для него было неважно, кого ему приходилось защищать. Прототипом героя Аль Пачино в фильме «Адвокат дьявола» как раз является Рой Кон. Помимо Роя Кона в этом клубе состояли люди, которые обеспечили Трампу возможность купить земли около вокзала, который шёл под снос. На одном из участков он построил очень большое здание, а на других он хотел построить целый город Трамп Сити — город вну-

три города над Гудзоном. Последний замысел не осуществился, потому что там требовались слишком большие средства. Трамп потом выгодно продал эти земли и таким образом выбрался из банкротства. Вероятно, там же, в «Le Club», он завязал контакты с семьёй Кеннеди.

Все строительные проекты Трампа, конечно, были построены на использовании личных связей, денег отца (на начальной стадии) и на колоссальной работоспособности самого Дональда. Так началась его бизнес-карьера, которая продолжалась достаточно долго, и в которой было пять банкротств. Первое банкротство было самым драматичным, потому что только личный долг самого Трампа составлял 900 миллионов долларов. В это время он ходил по Нью-Йорку, смотрел на бездомных и говорил жене: «Ты знаешь, каждый из них богаче меня на 900 миллионов». Корпоративный же долг достигал нескольких миллиардов. Но удивительным образом Дональд Трамп восстановил свой капитал: реструктурировал долги, продал значительную часть принадлежащей ему (выкупленной до этого под застройку) земли иностранным инвесторам, начал новые проекты, и к тому моменту, когда он вступил в президентскую гонку, его состояние составляло, по разным оценкам, от пяти до девяти миллиардов долларов. Хотя, конечно, в США есть журналисты, которые всё время пытаются доказать, что Трамп выдумал своё гигантское состояние, а на самом деле у него нет даже миллиарда. Но это, скорее всего, не так. По всей видимости, несколько миллиардов у Трампа действительно есть, хотя, возможно, что цифра в девять миллиардов преувеличена.

Последние годы Трамп практически не занимался девелоперским бизнесом, он продавал свой бренд, поэтому здания Трамп Тауэр, Трамп Плаза и им подобные можно найти почти в любом уголке мира (за исключением России). Он очень много тратил в последние годы на разнообразные шоу. Шоу типа «Кандидат» в России тоже шло по телевидению, но у нас оно было совершенно не рейтинговым, а в США, с тех пор как Трамп стал ведущим этого шоу, оно имело высочайшие рейтинги несколько лет подряд, было самым популярным

шоу на Эй-Би-Си. Участники этого шоу соревновались за право получить место топ-менеджера в организации Трампа. Они конкурировали друг с другом, а Трамп периодически выходил на сцену, показывал на одного из них и говорил свою коронную фразу: «Ты уволен». Потом он оформил на эту фразу авторские права. Как и на многое другое, в частности, на лозунг своей предвыборной кампании: «Сделаем Америку снова великой», при том, что впервые, насколько известно, её произнес президент Рейган, но до Трампа никто не догадался, что на неё можно оформить авторские права. Трамп же сделал это в самом начале своей избирательной кампании, после чего никто из его соперников уже не мог её произнести, потому что это было бы нарушением авторских прав.

Кроме того, Трамп активно интересовался реслингом, выступал на шоу «Реслмания». Довольно известен эпизод, в котором Дональд Трамп прыгает на ведущего этого шоу, валит его на пол и потом остригает налысо (на это у них было заключено пари). Действительно, Трамп питает большую склонность к шоу, к ярким зрелищам и в этом смысле его предвыборная компания, особенно во время праймериз, была выстроена как цепочка шоу. Трамп собирал стадионы. Когда он выступал в Айове, очереди на его выступление занимали с пяти утра. Люди часами стояли, чтобы туда попасть и посмотреть на Трампа. Уже тогда было понятно, что Трамп — наиболее яркий, необычный и прекрасно умеющий себя подать кандидат в президенты. И на его фоне Хиллари, которая к тому же не пользовалась серьёзной популярностью, смотрелась блёкло. Понятно, что Хиллари была, пожалуй, самым слабым кандидатом, которого могли выдвинуть демократы. В этом смысле, несмотря на то, что Трамп был самым ярким и необычным политиком за все последние десятилетия в Соединенных Штатах, его шансы победить кого-либо из более популярных политиков-демократов были, прямо скажем, были невелики. Но получилось так, что демократы действительно сделали крайне неудачный выбор. И Республиканская партия, которая в целом была слаба и несла в себе внутренний раскол

после «бунта чайников» — Движения чаепития, по большому счёту, не должна была победить на этих выборах. Именно благодаря тому, что на стороне республиканцев выступал Дональд Трамп, а на стороне демократов — непопулярная, лживая Хиллари Клинтон (Трамп так её и называл — «Лживая Хиллари»), демократы проиграли. Но это было не только соревнование личностей. Уже понятно из вышесказанного, что Трамп как личность, безусловно, ярче. Это было ещё и соревнование тех сил, которые стояли за каждым из кандидатов.

Я очень рекомендую людям, интересующимся процессами, происходящими во внутренней политике США, почитать статью, которая была опубликована на сайте «inosmi.by». Статья называется довольно хулиганским образом: «Как половина Америки потеряла свой грёбанный ум». Эта статья написана американским журналистом (она анонимная), который, как можно понять из этой статьи, сам происходит из какого-то небольшого городка где-то на Среднем Западе, который впоследствии переехал жить в мегаполис. Эта статья посвящена тому, как эта одноэтажная Америка, Америка маленьких городков, пригородов, условно говоря, деревень, впервые за долгие годы заявила о своём собственном интересе на американских выборах. Статья написана ещё до выборов, и суть её достаточно проста: за демократов, за Хиллари выступает Америка мегаполисов, Америка глобалистская, Америка интернациональная, космополитическая, предельно либеральная. Но есть и другая Америка, которой не дают слова, которая не представлена в СМИ и которая, если её показывают в фильмах, выглядит несколько карикатурно. Так вот, на выборах 8 ноября 2016 года эта Америка маленьких городков и выступила за Трампа.

В ночь, когда проходили выборы, мы с моими коллегами по «Терра Америка» находились в одном из московских клубов, где на экране транслировался телеканал Си-Эн-Эн, и было видно, как идёт голосование по штатам. В самом начале, когда подсчёт голосов только начался, перевес почти всегда был у Хиллари, но чем дальше, тем больше росли показатели голосов, отданных за Трампа. Сначала шёл

подсчёт голосов, отданных в американских мегаполисах, а уже потом подсчитывались голоса, которые приходили из глубинки, из провинции. Практически все крупные города в основном были за Хиллари, а вся глубинка в основном была за Трампа. Это если говорить без разделения по штатам. Что касается распределения голосов по штатам, то, как предполагали лишь очень немногие американские социологи, за Трампа проголосовал, обеспечив тем самым его победу, так называемый «Ржавый пояс». Это индустриальные штаты Средней Америки, Северо-Восток, те штаты, в которых находилось так называемое «молчаливое белое меньшинство» — рабочий класс, мелкий бизнес, люди, чьё мнение почти не учитывалось американскими социологическими службами, настолько они были политически неактивны за последние десятилетия. В последний раз они ходили на выборы в 1992 году и голосовали за Росса Перо. Это тоже был американский миллиардер, который выступал независимым кандидатом. Вот тогда они пришли в последний раз на избирательные участки и с тех пор не ходили. Не было кандидата, за которого они готовы были бы отдать свой голос. И Трамп со своей эксцентричностью, удалённостью от мира американской политики, (американская политика, с их точки зрения, является насквозь прогнившей, коррумпированной, не заслуживающей того, чтобы хоть за кого-то к ней причастного отдать свой голос на избирательном участке), стал для них единственной альтернативой. Неслучайно уже в конце своей избирательной кампании Трамп выдвинул лозунг «осушить вашингтонское болото». Ни за кого из этого «вашингтонского болота» эти люди голосовать не хотели, а Трамп оказался именно тем человеком, за которого они готовы были отдать свой голос, и они пришли на избирательные участки — примерно 6-6,5 миллионов человек (так оценивала их число независимая американская социология). Трамп нашел этих потерянных белых избирателей, и они, по сути, и обеспечили его победу.

Важно сказать несколько слов и о самой процедуре голосования. Американский президент выбирается не прямыми выборами. В

ходе самого дня выборов народ голосует за того или иного кандидата, за президента и его вице-президента, и таким образом определяется перевес определённого кандидата. При этом каждый штат имеет не равное, а пропорциональное количество выборщиков, которые входят в коллегию выборщиков. Соответственно, перевес определяется тем, кому из кандидатов удастся набрать голоса 270 выборщиков или больше — это то количество, которое необходимо для победы. Трамп набрал 306 голосов, после чего, по инициативе одной из кандидаток в президенты, лидера Партии зелёных Джилл Стайн, была предпринята процедура пересчёта голосов в трёх штатах: Висконсине, Мичигане и Пенсильвании. При этом провести пересчёт удалось только в Висконсине, потому что в Пенсильвании слишком сложная система для пересчёта: там в каждом округе требовалось постановление местного суда, для чего как минимум 3 человека в каждом округе должны были подать соответствующие заявления, что было невозможным. Этого они не сумели добиться. Не удалось провести пересчёт и в Мичигане. Таким образом, он был произведён только в Висконсине, после чего выяснилось, что за Трампа проголосовало даже немного больше избирателей, чем это было объявлено в день выборов.

Следующий шаг — это коллегия выборщиков. Голосование в коллегии было запланировано на 19 декабря 2016 г. С этим была связана большая истерика в американских СМИ, потому что сразу после победы Трампа демократы создали небольшую, но медийно громкую группу «гамильтоновские выборщики», названную по имени Александра Гамильтона, одного из американских отцов-основателей. Эта группа стала активно призывать всех выборщиков голосовать не так, как они были обязаны: выборщики подписывают бумагу, которая обязывает их голосовать в соответствии с волеизъявлением народа. Гамильтоновские же выборщики призывали голосовать так, как «велит им совесть».

Апелляция к совести в этих выборах не нова, она появилась ещё в июле 2016 года, перед тем как на республиканской конвенции

в Кливленде Трамп, победивший на праймериз, должен был быть назван официальным кандидатом от Республиканской партии. Тогда республиканцы, находившиеся в оппозиции к Трампу, активно проводили линию, что голосовать надо не по закону, а по совести. Они даже быстро написали книгу, доказывающую, что делегаты съезда имеют право голосовать по совести, распечатали её и распространяли среди делегатов съезда. Это привело лишь к тому, что в первый день республиканской конвенции был «бунт» против Трампа, который, однако, подавили примерно за 20 минут с помощью хорошо разработанных процедур. Здесь надо отметить, что на этих конвенциях (съездах) до сих пор многие решения принимаются как на Новгородском вече — «с голоса», то есть кто кого перекричит. В этот раз «перекричали» сторонники Трампа.

Возвращаясь к голосованию коллегии выборщиков, следует отметить, что выборщики действительно теоретически могут голосовать не так, как велит им бумага, которую они подписывают. Даже существует специальный термин «неверные выборщики», и в истории Штатов было 157 случаев, когда выборщики голосовали не так, как надо. Правда, из этих 157 реально за других кандидатов голосовало ничтожно малое количество выборщиков, что никак не влияло на ход голосования. Практически невозможно это и сегодня. Если коллегия выборщиков голосует не за Трампа — фактически это означает, что на следующий день (если не вечером того же дня) в Штатах началась бы вторая гражданская война. Дело в том, что половина Америки, (это жители малых городов, провинции) всё-таки выбрала именно Трампа. Если «вашингтонское болото» как-то решило бы переиграть результаты выборов, то, в общем, к вечеру того же дня или к утру следующего тысячи машин, набитых людьми с оружием в руках, приехали бы в Вашингтон, и началась бы гражданская война.

Но это уже фантастический сюжет. Что же будет в реальности? Это постоянное противостояние Трампа с Сенатом по поводу утверждения многих кандидатур, например, госсекретаря Тиллер-

сона. В атмосфере истерии, которая сейчас существует в Соединенных Штатах относительно мифа о влиянии России на американские выборы (что они якобы были выиграны русскими хакерами), прохождение даже не пророссийских, а настроенных конструктивно на сотрудничество с нашей страной фигур, таких, как Тиллерсон, будет для Трампа большой головной болью. Ему придётся приложить все свои усилия, чтобы настоять на своём, и Трамп такой человек, который сможет это сделать.

Важно отметить, что Трамп в значительной степени представляет интересы не транснационального, а национального капитала. В отличие от, например, Клинтонов и от большей части американского политикума, представители которого являются объектами либеральной глобализации и которые сами рассматривают штаты не как отдельную страну, а как финансовый центр мировой либеральной глобалистической системы. В отличие от них Трамп сосредоточен на защите интересов национального капитала, что отражается на его программе реиндустриализации Америки. Для него на первом месте американская индустрия и создание новых рабочих мест. Примечательно, что он недавно объявил своим вероятным госсекретарём Рекса Тиллерсона (ExxonMobil), что является свидетельством того, что Трамп, как и Буш, защищает интересы тexasской нефтяной индустрии. Однако Буш был сильно идеологизирован, находился под полным идеологическим влиянием группы неоконгов и отстаивал интересы нефтяного бизнеса по их указанию, а не по собственному желанию. Трамп в свою очередь стремится восстановить индустриальную мощь Америки, для чего ему нужна дешёвая нефть — главный и первый элемент возрождения индустрии. А это уже не совсем в интересах нефтяного сектора, который он защищает. Это позволяет сделать предположение, что в ближайшее время мы увидим, что цены на нефть для внутреннего потребления в штатах станут намного ниже, чем на экспорт. А то, что Соединенные Штаты при Трампе станут экспортёрами нефти, становится практически очевидным.

Можно говорить о том, что сегодня в США существует соперничество и конфликт двух сил, одну из которых можно назвать условно глобалами, а другую — локалами. Трамп — выразитель интересов локалов. Локалы привязаны к определённым регионам индустриальных и финансовых групп. Несмотря на то, что он назвал своим министром финансов человека из Голден Сакс — а это гигантский глобалистский финансовый монстр, который лоббировал отмену закона о разделе банков на организационные и спекулятивные — вероятно, что в ближайшее время Трамп вернёт этот самый закон, поскольку это будет в интересах американской индустрии. Это как раз та политика, к которой очень активно призывали антиглобалисты последние годы. Для мировой экономики это будет важным событием.

Если же строить прогнозы по поводу будущих взаимоотношений США и России, то следует отметить, что республиканцы всегда были менее идеологизированы, чем демократы. Республиканцы — люди дела, люди силы, с ними проще договариваться. А демократы — люди чрезвычайно идеологизированные. При Джордже Буше младшем эта схема не работала, потому что Буш был, наверное, первым идеологически мотивированным республиканцем после президента Рейгана. Джордж Буш находился под сильным влиянием неоконсерваторов. Последние 25 лет в США все время сменяли друг друга или существовали в некоем симбиозе две идеологии — неоконсерватизма и либерального интернационализма. Неоконсерватизм получил свое реальное воплощение во вторжении в Ирак, которое было абсолютно идеологически мотивировано неоконсервативной установкой «на помощь Израилю любой ценой». Именно оно привело к уничтожению светского режима в Ираке, разгулу исламского фундаментализма, и в конечном итоге — к возникновению ИГИЛ. Либеральный интернационализм особенно мощное развитие получил при президенте Обаме. Его агрессивные проявления мы видели в 1999 году на примере бомбардировок Югославии, а уже в недавнее время — на примере Ливии, куда было осуществлено вторжение под тем пред-

логом, что надо свергнуть режим «диктатора Каддафи» и установить там демократию, верховенство закона и права человека. В результате Ливия, так же, как и Ирак, стала одним из оплотов ИГИЛ. В этом смысле полноценный политический диалог и с Бушем-младшим, и с Баракком Обамой для руководства России был весьма затруднителен. Они находились в плену своих идеологических схем. Это, наверное, можно сравнить с тем, как трудно было такому прагматику, каким был президент Никсон, разговаривать с советскими руководителями, мыслившими в рамках коммунистической идеологии.

Трамп хорош тем, что он абсолютный прагматик, реалист. Он ближе всех из политиков Соединенных Штатов последних десятилетий стоит к позициям политического реализма. С ним можно и нужно договариваться, с ним есть, о чём договариваться. Существует целый ряд тем, по которым возможны реальные изменения в диалоге США и России. Это и Сирия, и Украина. Конечно, в будущем возможны и конфликты. Например, в случае с Ираном Трамп, хотя и не находится под влиянием неоконсерваторов, высказывается близко к их точке зрения. Потому что Трамп — большой и искренний союзник и друг Израиля, причём не просто Израиля, а израильских «правых» во главе с Нетаньяху, которые видят в Иране своего главного врага. По этому вопросу договориться с Трампом будет непросто, но опять же, учитывая его прагматизм, Россия и из этой ситуации могла бы извлечь некую пользу, потому что, естественно, возрастает роль России как медиатора, переговорщика в этом треугольнике. И не случайно, что после того как Трампа избрали президентом Соединенных Штатов, Иран неожиданно вновь разрешил России использовать свою военную базу в Хамадане.

В неофициальной беседе Киссинджер высказывал надежду на то, что Трамп сможет вернуть политическому реализму те утраченные позиции, которые за последние десятилетия отвоевали неоконсерваторы и либеральные интернационалисты. Но следует иметь в виду, что Киссинджер — человек, выражающий в значительной степени

интересы клана Рокфеллеров. Это отнюдь не конспирология, просто Киссинджер и был одним из архитекторов рокфеллеровской двупартийности, а отношения Трампа с Рокфеллерами, мягко говоря, неоднозначные. Тот самый Рекс Тиллерсон, которого Трамп видит своим госсекретарем — человек, который фактически отнял у Рокфеллеров ExxonMobil. Не в буквальном смысле, конечно, это не был рейдерский захват. Но сначала Рокфеллеры хотели его уволить, вернее, отобрать у него пост председателя совета директоров и оставить ему только пост исполнительного директора, что не получилось. Потом Тиллерсон торпедировал их реформы ExxonMobil, и в итоге Рокфеллеры вывели все свои активы из ExxonMobil, и это оказалась компания, фактически принадлежащая Тиллерсону. То есть отношения Трампа с Рокфеллерами сложные, поэтому Киссинджер не может прямо его поддерживать, но то, что Трамп тяготеет к политическому реализму, конечно, не может Киссинджера не удовлетворять.

Очевидно, что сейчас Трамп формирует абсолютно «пророссийскую» команду. Госсекретарь Тиллерсон, советник по национальной безопасности Флинн, возможный будущий посол в Москве Дейнер Арабахер — чуть ли не единственный человек в Конгрессе, который очень хорошо относится к России. Все это делается не просто так, не потому, что Трамп так любит нашу страну, хотя он действительно к ней хорошо относится. Делается это всё именно потому, что главным врагом для Трампа является Китай. И в значительной степени Трамп стал президентом, потому что в американской элите, в американском политикуме существует серьёзный запрос на жёсткую политику в отношении Китая, а Трамп с самого начала говорил, что в экономическом и финансовом плане Китай для Соединённых Штатов — враг номер один. В военном смысле — нет, Трамп не очень высоко оценивает Китай как военного соперника, но в экономическом и финансовом отношении Китай — очень серьёзный конкурент. И в этом смысле Россия для Трампа — самый главный козырь, имея который с Китаем можно играть на евразийском пространстве. Трамп будет стараться исполь-

зовать Россию как фактор, сдерживающий континентальную экспансию Китая. Для России это и хорошо, и плохо. Всё зависит от того, насколько руководство России сумеет разыграть свои собственные карты, потому что отказываться от союза и добрых отношений с Китаем, который едва ли не единственный поддержал Россию в 2014 году во время обострения отношений с Западом, нельзя ни в коем случае. Но, с другой стороны, нельзя не использовать и ту возможность, которая выпадает для сближения с Америкой. Поэтому лучшее, что может быть сделано Российской дипломатией во внешней политике — это переиграть старую формулу Киссинджера и Никсона, согласно которой отношения Вашингтона с Пекином и отношения Вашингтона с Москвой должны быть в любом случае лучше, чем отношения между Москвой и Пекином. Так и здесь — Россия должна использовать эту формулу так, чтобы отношения России с Вашингтоном и отношения России с Пекином были в любом случае лучше, чем отношения Вашингтона с Пекином.

Если вернуться к вопросу идеологии, то сейчас есть небольшая надежда на то, что в мире сформируется своеобразный «антиглобалистский интернационал». Потому что сейчас главный идеологический противник и для Трампа, и для России — это тот самый либеральный глобализм, на гребне противостояния которому Трамп и стал президентом. Поэтому события 2017 года, например, выборы во Франции и Германии могут в общем и целом стать продолжением той антиглобалистской волны, которая поднялась в 2016 году, включая Brexit и избрание Трампа. Консервативная демократия — это то, что может стать платформой для выработки общих ценностей между Соединенными Штатами, Россией и европейскими странами.

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОВОРОТ

Представляется, что одна из лучших работ по консерватизму — «Консервативная мысль» Карла Мангейма, в которой говорится о сложностях, связанных с определением «консерватизма» и с выбором родового понятия для этого термина. Мангейм считает, что консерватизм есть не столько политическая идеология в ряду других идеологий, сколько стиль мышления, который он сравнивает со стилем в искусстве. Эти стили могут развиваться и пересекаться друг с другом, точно так же действуют политические мировоззрения. Исходная точка заключается в том, что консерватизм как категория не есть полностью отдельная идеологическая доктрина наряду с другими. Это, скорее, стиль политического мышления. Можно по-разному определять его суть, но делать это необходимо в контексте полемики с другими школами мысли, потому что политическое мышление по определению полемично, а политические категории, как писал Карл Мангейм, что-то утверждают и что-то отрицают.

Мой взгляд на этот известный идеологический треугольник таков: существуют левые, консерваторы и либералы, и каждому из этих направлений политической мысли, групп политических идеологий будет соответствовать определённое представление о базовом типе социальной связи. Это представление ещё не является идеологией, но из него идеологии могут вырастать.

Для либерализма и либерального мышления базовой метафорой социальной связи является договор. Общее благо в обществе создаётся тогда, когда люди, следуя правилам этого договора, преследуют свои частные интересы и реализуют своё собственное стремление к благу. Такое уравнивание частных интересов, или частных эгоиз-

мов, при котором формируется общее благо, и является с точки зрения либерализма сутью хорошо устроенного общества. Можно вспомнить И. Канта, который задавал вопрос о том, возможно ли существование хорошо устроенного государства в «нации дьяволов», то есть среди людей, в отношении которых нельзя предполагать никакой благонамеренности, никакого альтруизма или установки на общее благо, а только отъявленный эгоизм. Кант пишет, что да, возможно, но только в том случае, если эти «дьяволы» будут мешать друг другу делать зло и уравновешивать друг друга. В такой формулировке и заключается сила либерализма как социальной модели и сила либерального капитализма.

Сила такого подхода в том, что он помогает мыслить социально приемлемый общественный порядок, не постулируя добрых намерений и высоких моральных качеств человека и не требуя от него ничего большего, кроме разумного эгоизма, соблюдения правил игры, процедур, которые обеспечат взаимную гармонизацию частных эгоизмов. В этом и состоит крайнее выражение либеральной мысли. По мысли философа Ф. фон Хайека, категорически вредно изначально ориентироваться на достижение общего блага как такового: общее благо будет достигнуто тогда, когда все будут преследовать свои частные интересы, а устройство общества превратит эту игру частных интересов в созидательный процесс. В этом, собственно, и заключается основа либерального мифа о животворящем рынке.

Левое представление о базовом типе социальной связи можно выразить термином «проект». Если для либералов отцами-основателями можно считать теоретиков общественного договора, то в случае с левыми — это такие фигуры, как, например, Томас Мор, предложившие разные вариации на тему совместных усилий во имя справедливого, «лучшего» общества. Критерием этой справедливости, как правило, выступает равенство. Здесь методологически принципиально важной является установка на совместное действие, на лозунг «возьмёмся за руки, друзья, и построим более справедливое, более разумное общество». Это установка на совместное обще-

ственное проектирование, на создание справедливого сообщества, задуманного на основе принимаемых законов разума, морали, общественного порядка.

Обе эти школы мысли объединяет то, что они существуют в рамках презумпции предпосылок Просвещения, к числу которых относятся представления о естественной природе человека, об общественном договоре и рационализм.

Базовые представления консерваторов о типе социальной связи основываются на слове «наследие». Консерваторы утверждают, что для того, чтобы люди могли заключить друг с другом общественный договор или объединиться для реализации совместного общественного проекта, между ними должно существовать весьма глубокое взаимопонимание и взаимное доверие. Эти люди должны желать заключить общественный договор именно друг с другом, должны говорить на одном языке (в прямом и переносном смысле), должны быть объединены общими рамками моральных предпосылок и общими представлениями о добре и зле. Создать общество иначе, с этой точки зрения, невозможно. Ведь даже если логически помыслить абстрактный желаемый результат, какой мы хотим получить на выходе, то мы всё равно будем вынуждены постулировать то, что имеем на входе. Для того чтобы получить социальную связь, мы должны постулировать такой уровень взаимного доверия и взаимопонимания между людьми, который с самого начала будет характеризовать этих людей как сообщество.

Под «наследием» консерваторы традиционно понимают как материальные, так и нематериальные явления. Ещё в античном полюсе совместное воспроизводство и сохранение материального и нематериального наследия представлялось людям основой их жизнедеятельности. К предметам совместного производства и пользования в эту эпоху можно отнести множество явлений, начиная от водопровода, канализации, иной инфраструктуры, о которой можно заботиться только совместно, и заканчивая религией, мифом, правовой системой, картиной истории сообщества. С точки зрения такого кооперативно-

го взгляда на устройство общества и преобладающий тип социальной связи — именно воспроизводство и преумножение совместного наследия является основной формой совместной деятельности людей. Это то, что держит людей вместе, является той причиной, по которой они принципиально нуждаются в сотрудничестве друг с другом.

Такая разница подходов отражается и в политическом дискурсе. Если сравнить либеральный дискурс о государстве, об отношении гражданина и государства с консервативным дискурсом, то станет понятно, что в основе либерального подхода лежит сюжет о правах налогоплательщика, который платит свой взнос и требует за это от государства публичных благ. И хотя эти мотивы справедливы и разделяются нами, они всё же представляются недостаточными.

В рамках консервативного представления об основополагающей связи государства и гражданина ключевым является тот факт, что государство распоряжается нашим общим, совместным наследием: стратегическими недрами, инфраструктурой, которые были созданы не нами, а нашими предками, и не принадлежат никому в отдельности, являясь частью наследственного капитала. Государство должно заботиться о нематериальных аспектах этого капитала, потому что взаимное доверие, общий язык (в прямом и переносном смысле) являются такой же частью экономического климата, как налоги или качественная инфраструктура. Государство должно поддерживать общую культуру, воспроизводящую систему образования и так далее. Оба приведённые основания требовательности к государству, либеральные и консервативные, сосуществуют одновременно и не являются взаимоисключающими.

Как же консерватизм с таким представлением социальной связи чувствует себя в современном массовом обществе? Очевидно, что это представление ближе к модели восприятия общества как семьи. Однако именно эта модель восприятия общества как большой семьи постепенно разрушается в Новое время, уступая договорным концепциям общества. Фердинанд Тённис ввёл в социологию известную ди-

хотомию «Общность и общество», имея в виду две разные модели и формы социальной связи. Общность ближе к семейной социальной связи, общество — ближе к сугубо договорным расторгжимым обязательствам. Поэтому процесс модернизации многие социологи описывали именно как вытеснение элементов общины как типа социальной связи более договорным и ответвлённым способом взаимоотношений людей в социуме.

Тем не менее многие социологи понимали, что это ведёт к отчуждению людей в обществе, видели в этом проблему и думали над тем, как её можно решить. Теоретик социальной модернизации Э. Дюркгейм видел основным последствием преобладания элементов общества над элементами общины (в терминологии Тённиса, которую он хотя не использовал, но говорил, по сути, о том же самом) феномен аномии, то есть моральной эрозии, ситуации ощущения такого человеческого одиночества, дисфункции регулирующих норм, которая выражается в росте числа самоубийств как одном из явных индикаторов распада общества. Многие социологи воспринимали такой подход как вызов, и, естественно, как вызов воспринималось это движение от общества к общине консерваторами.

Значит ли это, что необходимо вернуться к общине или к тому, что можно назвать традиционным обществом? Такая консервативная тенденция существовала всегда, но оставалась бессильной, бесплодной и беспочвенной. Скорее, речь в рамках консервативного дискурса может идти о каких-то элементах продуктивного реванша принципов, норм и форм старого мира, ассоциируемых с аграрно-сословным обществом и с общинно-семейственными представлениями о социальной связи. Этот реванш происходит в условиях современного, массового городского общества.

В качестве примера такого реванша можно привести одну из ключевых категорий современности — это нация. Нация — это, с одной стороны, категория, которая принимает как данность указанные реалии современного, массового городского общества и, с дру-

гой стороны, это тип социальной связи, подразумевающий прямое членство в сообществе. То есть нация в отличие от племени состоит не из кланов, жузов или видов. Она состоит из людей и подразумевает прямое индивидуальное членство и индивидуальную ответственность. В этом смысле понятие «нация» является модернистским ещё и потому, что социальные и культурные связи внутри нации воспроизводятся через «отчуждённые институты», такие как всеобщее образование (не просто семейное предание, которое передаётся из уст в уста), СМИ, печать и т.д. Упомянутые институты представляют собой большие машины социализации, которые являются атрибутом современного массового общества, — в этом нация и отражает, и принимает реалии современного массового городского общества, навсегда ушедшего от того, что можно назвать традиционным обществом. Но, с другой стороны, нация воссоздаёт внутри этих институтов современного массового городского общества то ощущение теплоты, взаимной связи людей друг с другом и собственным прошлым, которое было характерно для общины. И таким образом решает ту проблему отчуждения человека от себя, от собственного прошлого, людей друг от друга, о которой говорил Дюркгейм и другие.

Нация есть плод конфликтного синтеза, симбиоза консерватизма с реалиями общества модерна. В логике упомянутого продуктивного реванша созданы многие институты современного национального государства и современного общества. Ярким примером такого института может служить классическое образование. Сама предпосылка создания системы всеобщего образования, безусловно, связана с эпохой массового городского общества, эпохой Современности, распадом старых сословных порядков. Но если посмотреть на то содержание, которое было загружено в школьные и университетские системы всеобщего образования XIX века, то мы увидим, что это контент старой аристократической культуры. Именно поэтому Энтони Смит говорит, что современная нация — это демократизация аристократических этний (аристократических этических культур). Во многом

это тоже пример продуктивного реванша, когда, взяв форму современного массового общества и модель всеобщего образования, консерваторы наполняют её ценностями аграрно-сословного общества, хоть и в изменённой форме.

Вадим Цымбурский в одной из своих работ приводит хороший пример, связанный с категорией джентльмена в английской культуре. Эта категория достаточно удачно сочетает преемственность по отношению к старой аристократической культуре, потому что в качестве образца человека как такового (человека, каким он «должен быть») берётся аристократическая модель человеческой личности. Кроме того, это понятие подразумевает социальную открытость, возможность позиционировать себя как джентльмена для представителей разных социальных слоев.

Такую реакцию консерватизма на современное массовое общество можно сравнить с контрреформационной реакцией на реформацию. Эта реакция неизбежно учитывает восстание индивида, которое происходит в эпоху реформации. Но там, где контрреформация имела успех, контрреформаторам удавалось реставрировать уже в условиях нового мира некоторые ценности, представления и порядки аграрно-сословного общества. В широком смысле вся современность в равных её аспектах является плодом конфликтного синтеза начала консерватизма и Просвещения, эмансипации. Поэтому известный немецкий мыслитель консервативного направления Курт Хюбнер пишет, что современное государство и современное общество включают не только процессы просвещения, но и политический романтизм. В данном случае политический романтизм он рассматривает как квинтэссенцию консервативной политической философии, потому что является большим поклонником немецкого публициста Адама Мюллера. Мюллер писал интересные и глубокие статьи, которые во многом предвосхитили появление такой школы, как экзистенциальная экономика. Он анализировал нематериальные, культурные предпосылки формирования социального и экономического капитала.

Итак, современность представляет собой плод конфликтного синтеза Просвещения и консерватизма. Именно поэтому складывается убеждение, что консерваторам современности есть что защищать. Наиболее показательным примером в этом отношении является консервативный дискурс нынешней традиционной семьи. Что имеется в виду под традиционной семьёй, действительно ли это то, что должно так называться? На самом деле нет, потому что традиционная семья в строгом смысле — это большой род со сложной системой взаимоотношений. Та семья, которая мыслилась и воплощалась традиционным обществом, не является референтной моделью практически ни для кого, включая современных консерваторов, — хотя, конечно, консерваторы несколько больше по ней ностальгируют. То, что сегодня принято именовать «традиционной семьёй», является, скорее, буржуазной нуклеарной семьёй, которая состоит из отца, матери и детей, а не из родителя № 1 и родителя № 2.

Здесь стоит вспомнить расхожий тезис о том, что консерватор — это неудачливый реакционер, который всегда запаздывает и брюзжит по поводу неизбежных перемен. Однако более точно было бы назвать консерватора соавтором современной эпохи, политической современности. С этой позиции и политическую современность можно воспринимать как объект для консервативной стратегии наследования, сохранения и ответа на вызовы, с которыми она сталкивается.

Какие это вызовы? Это те вызовы, которые становятся наиболее актуальными в 1960-1970 годы в связи с так называемой культурной революцией, когда сначала в философии, затем в массовой культуре, а потом и в политике были поставлены под сомнение фундаментальные принципы современной цивилизации. Этот вызов по отношению к современной цивилизации идёт по трём направлениям. Одно из них представляется справедливым назвать термином «дегуманизация».

Дегуманизация есть процесс размывания традиционных гендерных идентичностей, напрямую связанный с манипуляциями с че-

ловеческой телесностью, преодолением психофизического барьера, включая наркокультуру. Неслучайно наркокультура называется культурой: она представляет собой попытку изменить представление о человеческой личности, а не просто плохое поведение подростков. Дегуманизация пытается выйти на представление о человеке как о модульном существе, который может собирать и разбирать себя как конструктор, о чём с большим энтузиазмом пишут Хардт и Негри в книге «Империя». Об этом же пишет, но уже несколько настороженно, Фукуяма в книге «Наше постчеловеческое будущее». Всерьёз к этому явлению заставляют относиться новейшие тенденции в биотехнологиях, умение кибербиологических систем комбинировать живые организмы с техническими информационными устройствами, возможность вмешаться в геном человека, создание организмов с заранее заданными свойствами. Все эти вопросы находятся сегодня на рабочем столе биотехнологов.

В западной культуре развитие в этом направлении из-за определённых этических параметров ограничено. Однако уже сегодня можно с уверенностью сказать, что фактором снятия всех этих ограничений на пути бурного развития биотехнологий, в том числе ставящих под вопрос прежние представления о структуре человека, будет Восток. В Китае и других крупных странах этого региона отсутствуют серьёзные этические ограничения в этой сфере, и они могут идти гораздо дальше в биотехнологических экспериментах с человеком. Затем, чтобы не отставать от китайцев, по этому пути вынужден будет пойти и западный мир.

Второй серьёзный вызов по отношению к современной цивилизации и национальному государству — это десоверенизация. Этот процесс имеет разные измерения. Один из них представляет собой перенос центра власти на наднациональный уровень, или на субнациональный уровень: утечка власти из официальных публичных структур в бизнес, в транснациональные корпорации или на уровень брюссельской бюрократии (в случае с Европой). Такая политика вме-

шательства стационаризирована в последние десятилетия под разными флагами: гуманитарным или антитеррористическим.

Возможно, именно в таком виде проявляется кризис политического лидерства в современном мире. В западной политической культуре эта проблема обсуждается и ставится остро, поскольку политическое лидерство является одним из важных механизмов национальной субъектности, одним из противовесов олигархической тенденции — вырождения демократии в олигархию. Лидер пытается фокусировать общественное ожидание, а сами общественные ожидания становятся материальной силой. Приведём простой пример: решение о присоединении Крыма принимал В. Путин, но не потому, что он так захотел, а потому, что он сумел сфокусировать определённые общественные ожидания и понимал цену отказа или цену альтернативных решений. Поэтому, осуществляясь, общественное ожидание и общественное мнение становятся материальной силой.

Западные авторы часто пишут о том, что кризис политического лидерства является одним из измерений десубъективации. В этом контексте можно говорить о таком феномене, как анонимная власть, как о наиболее глубоком, неприятном последствии этой десоверенизации. Обстоятельно писал об этой проблеме Карл Смит: власть, даже если она диктаторская, но при этом публичная, связана и опосредована большой ответственностью. Если же власть принципиально не публична, то непонятно, кто принимает решения и на каких основаниях они складываются. Ощущение анонимной власти приводит к тому, что ответственность уходит как песок сквозь пальцы и истеблишмент начинает делать всё, что хочет. Именно так чаще всего происходит в современном западном мире. В разные периоды такая ситуация наблюдалась и в России.

Вышеназванные процессы также можно рассматривать под углом десоверенизации. Именно с десоверенизацией связан феномен нормализации коррупции. Почему коррупция — очевидное зло? В том числе и потому, что мы воруем у суверена (если говорить

о коррупции по отношению к государству). Воровать у суверена (государя) безнравственно и бесчестно — именно такими были представления в обществе на протяжении веков. Однако безнравственно такое воровство лишь в том случае, если суверен существует, если же его нет — это уже не воровство, а «утилизация бесхозного добра». Поэтому коррупционные процессы в современном десуверенизованном обществе уже не воспринимаются как кража. Такое понимание на глубинном, сознательном или подсознательном уровне приводит к нормализации системной коррупции как принципа отношений.

Третьим крупным вызовом является десоциализация. Если сравнить общество 1950-1960 годов с современным (как западным, так и российским), то одним из наиболее разительных изменений будет резкий рост неравенства. Этот рост выражается и в децильных коэффициентах, и в коэффициенте Джини, и в пропорциях оплаты труда в крупных компаниях (если в 1950-1960-е годы разрыв между топ-менеджментом и средним низовым звеном составлял 10-15 раз, то уже в 1990-е годы он мог составлять и 500, и 1000 раз, и это считалось абсолютно нормальным). Такие изменения никак не продиктованы законами рынка, это элемент негласного общественного договора. Баланс сил изменился таким образом, что стали возможны совершенно другие, на порядок большие разрывы в оплате труда.

Другое измерение десоциализации — растущая свобода трансграничного движения капитала. Если не создаются благоприятные условия именно для капитала, то он грозит, что рано или поздно может мигрировать. Ещё одним измерением является трансграничное движение рабочей силы. Безусловно, массовая миграция, как трудовая, так и нетрудовая, шла в западных обществах примерно с конца 1960-х годов. Первостепенной причиной её было кардинальное ухудшение сделочной позиции труда по отношению к капиталу на собственных рынках и в собственных обществах.

Ещё одним явлением десоциализации стал аутсорсинг. В 1960-е годы все думали, что в начале XXI века основным производителем

лем материальных благ станут роботы, но ими стали китайцы. Именно поэтому многих сфер производства не коснулась роботизация. В связи с этим одним из интересных поворотов, первые признаки которого мы сейчас наблюдаем, является реиндустриализация Запада на принципах автоматизации и роботизации. Сегодня на Западе всерьёз ставится вопрос о конкуренции с Китаем в производстве. Именно поэтому в 2011 году была сформулирована германская концепция новой промышленной революции. Есть обоснованные предположения, что новые тенденции развития технологий подводят черту под концепцией «глобальной фабрики», какой является Китай и другие страны Юго-Восточной Азии, а производство всё более сближается с разработкой и вновь становится ближе к потребителю. Упомянутые процессы зиждутся на принципах глубокой автоматизации, которые должны качественно изменить контекст взаимоотношений Запада и Китая, что позволит производствам вернуться на Запад.

Логичным следствием этого процесса является новый протекционизм. Причины этого явления кроются в следующем. Во-первых, новые технологии на этапе своего зарождения всегда более уязвимы. Например, когда появились суда на паровом двигателе, парусники ещё долгое время ходили быстрее, и только потом новые технологии развили заложенные в них преимущества, именно поэтому они нуждаются в протекционистской защите. Во-вторых, новый протекционизм – это способ ограничить Китай, ибо благодаря новым технологиям изделия, производимые в меньших сериях, станут более окупаемыми. Сегодня повсеместно господствующим является представление о том, что если доступный рынок потребителей включает, скажем, менее полумиллиона человек, то смысла заниматься серьёзным индустриальным производством попросту нет. В случае с новыми промышленными технологиями их специфика и удешевление будут приводить к тому, что мелкосерийные формы производства станут окупаемыми, что создаст предпосылки для развития нового протекционизма.

Введя в дискурс рассматриваемой тематики основные системообразующие определения, становится возможным описать такое понятие, как «консервативный поворот». По трём указанным направлениям — дегуманизации, десуверенизации и десоциализации — происходит атака на политическую современность и на национальное государство как основной институт этой политической современности, как на фокус, который замыкает на себе многие черты. В связи с этим в некоторых моих работах предлагается ввести понятие «консерватизм второй волны». Если консерватизм истоков — это попытка сначала отстаивания, а потом продуктивного реванша ценностей аграрно-сословного общества в современном массовом городском обществе, то консерватизм второй волны — это отстаивание классических ценностей эпохи модерна — тех ценностей, которые возникли и выкристаллизовались в конфликтном симбиозе консерватизма и Просвещения. Защита идей нации и национального государства зиждется на этих трёх осях.

Если рассматривать повестку дня современных консервативных движений, то становится очевидным, что она укладывается в эти три рубрики: сопротивление дегуманизации и стремление артикулировать принципы и ценностные интересы морального большинства, собранные вокруг традиционных представлений о человеческой личности и семье; сопротивление десоциализации, то есть размыванию среднего класса (со стороны иммиграции это происходит снизу, со стороны финансовых элит — сверху); наконец, сопротивление десуверенизации — утеканию власти в наднациональные и транснациональные структуры. Повестка консервативного движения в Европе, США и в России укладывается в эти три направления. Тот ренессанс, или перезагрузка правопопулистских и консервативных движений, которые можно сегодня повсеместно наблюдать, является свидетельством актуальности этой повестки.

Примечательно, что императив культурной интеграции прекрасно совместим с антиглобализмом, потому что глобализация рав-

нозначна культурной фрагментации. Если мы интегрируем то или иное общество на базе его высокой национальной культуры, то это значит, что рядом с ним будут существовать другие общества, которые говорят на других языках и основаны на базе других культур. Диалектика здесь такова: если общество мировое, то это фрагментированное общество. Если общество интегрировано, и культурно, и социально, то это будет одно из обществ, отделённых достаточно строгими, жёстко охраняемыми от других границами.

Немаловажно, что сегодня происходит трансформация самих принципов политического размежевания. С обеих сторон, как среди сторонников десоверенизации, дегуманизации и десоциализации, так и среди тех, кто им сопротивляется, есть и левые, и правые. По большому счёту, современный глобалистский истеблишмент — это синтез новых левых и новых либералов, синтез детей 1968 года, философской базой которой был фрейдомарксизм, альянс поклонников Хайека и сторонников финансовой глобализации. И наоборот, со стороны фронта линии сопротивления всё чаще совместно действуют вчерашние левые (те, которые сохранили верность интересам именно трудящихся, а не пёстрой коалиции меньшинств) и вчерашние правые — христианские консерваторы или националисты. Именно это изменение линии размежевания, когда в основу кладётся не старый принцип разделения правых и левых (в XX веке он был ассоциирован с отношениями труда и капитала), а новый принцип, суть которого ещё нужно артикулировать и понять, составляет важную подпочву сегодняшних политических процессов.

В начале 2000-х Борис Межуев в одной из статей дал интересную картину того, как менялись принципы политической поляризации с начала 1850-х годов. Согласно его мнению, изначально, в XIX веке в фокусе поляризации было главным образом отношение к клерикализму и дебаты между остатками сословного общества и ценностями и установками всех типов эмансипации. XX век в свою очередь характеризуется непрерывным противостоянием труда и капитала, вокруг

которого и выстраивается основная ось поляризации политической. XXI век представляет принципиально иное явление. Он начинается с весьма острых миграционных кризисов и вторжения этой темы в политику. Б. Межуев выдвигает гипотезу о том, что именно вопросы миграции и демографии станут фокусом политического размежевания в новую эпоху. Это представление можно дополнить, говоря не только об эмиграции, но и о культурной кластеризации общества. Если сегодня посмотреть на то, как голосует Америка, то становится понятным, что это действительно общество, которое описывается как совокупность набора определённых социально-культурных кластеров, часть которых являются субкультурами, а часть — этническими культурами. И миграция, и культурная кластеризация действительно всё больше выглядят системообразующим принципом политического размежевания. К этому же следует добавить спор о глобализации в том виде, в котором он сложился на рубеже XX-XXI веков: отрицание глобализации становится паролем для одних, а утверждение — паролем для других.

Из вышесказанного следует, что речь идёт не просто о консервативном повороте и сдвиге в сторону консервативных ценностей и ожиданий, а о трансформации самих принципов организации политического поля. В центре этого поля группируется истеблишмент с разных сторон (как слева, так справа), который делает ставку на проект глобализации, а с флангов этот проект атакуется коалицией сопротивления. Поэтому отношение к истеблишменту (исключительно как к негативному явлению) тоже вошло в западную политику в качестве ключевой темы не случайно.

При характеристике понятия «консервативный поворот» невозможно игнорировать роль культуры. Культура — невероятно многозначное понятие. Если говорить о концепции доминирующей культуры, то она является и пробным камнем, и полем битвы. Насколько вообще приемлемо в обществе говорить о доминирующей культуре, национальной культуре? Насколько вообще можно продолжать в соответствии с духом национального государства интегрировать

немецкое общество на базе немецкой культуры, французское общество на базе французской культуры, российское общество — на базе русской? Или необходимо зафиксировать, что публичный порядок и культурная интеграция должны оставаться параллельны друг другу, жить разными жизнями? И тогда мы возвращаемся в Средневековье, так как смысл движения от средневекового общества к современному состоял в том, что современное общество востребовало императив культурной интеграции. И политика, и индустриальная экономика востребовали интеграцию всего общества на базе единой, национальной, высокой письменной культуры.

В аграрно-сословном обществе, напротив, практически нет такого стремления к совпадению политических и культурных границ, там гораздо меньшее значение имеет способность участников одного общества или хозяйственного уклада говорить на одном языке и единообразно кодировать и декодировать сообщения. В современном обществе такое умение имеет принципиальное значение. Поэтому мультикультурализм — это путь в новое средневековье.

Таким образом, ключевой интригой XXI века остаётся вопрос о том, куда же приведёт «консервативный поворот». Видится несколько возможных вариантов. В первом случае он может стать своеобразным «удержанием» классических ценностей модерна. Суть этих ценностей состоит, прежде всего, в воле к целостности общества. Именно в этом стремлении сформировать интегрированное общество в социальном и культурном отношении. Это отражение сути модерна и одновременно принцип интегрированного общества. Все машины, ассоциируемые с классическим модерном, работают именно на культурную, социальную интеграцию общества. При этом если общество становится мировым, то оно фрагментируется, поэтому глобализация в полном смысле неизбежно связана с демодернизацией, и два этих понятия по своей сути синонимичны. В рамках демодернизационного проекта возможны разные идеологии, в каждой из которых может быть своя версия консерватизма или псевдоконсерватизма как нового варварства.

ПУТЬ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ: ОТ БУНТА К ТРАДИЦИИ

Размышляя о повороте русских писателей к идеям консерватизма и традиционализма, следует в первую очередь выделить Пушкина, Гоголя, Достоевского и Гончарова. Все они вначале испытывали внутренний протест против нестроений русской жизни и пытались преодолеть их европейскими решениями, в том числе через социализм. Начнём с самой интересной и самой важной для русской культуры фигуры — с Пушкина.

В советское время в образовательном процессе внимание обращали, прежде всего, на ранние стихи Пушкина — революционные. Советское литературоведение официально объявляло Пушкина декабристом или человеком, идейно близким к декабристам. В нашем сознании прочно укрепилась идея, что если бы Пушкин находился в Петербурге во время восстания, то непременно принял бы в нём участие. Свет на этот вопрос может пролить изучение обстоятельств встречи писателя с Николаем I осенью 1826 года. Замечательный литературовед Валентин Непомнящий, который изучал эту знаменитую встречу, убедительно продемонстрировал, что существуют две версии тех событий. Необходимо напомнить обстоятельства этой встречи: Пушкину никто не сообщает, с какой целью его вызывает император. Он срочно едет с фельдъегерем, волнуясь, переживая, ведь его может ожидать всё, что угодно, вплоть до заточения в тюрьму или каких угодно наказаний. Он приезжает к императору. В разговоре Николай действительно задал ему непростой вопрос: «Где бы ты был, если бы оказался 14 декабря в Петербурге?». Дальше существует две версии ответа. Первая: «Был бы среди мятежников». Вторая версия

является продолжением первой: «Был бы на площади, поскольку все мои друзья были там». То есть «был бы на площади», не потому что «я разделяю их взгляды», не потому что «я хочу участвовать в восстании и цареубийстве» (осенью 1826 года уже было известно, что одна из группировок декабристов планировала убийство всей царской семьи). «Был бы там», потому что, «там» находились его друзья и надо было быть рядом с ними, разделить, если понадобится, их судьбу. Это пример рыцарского и принципиального отношения к жизни и к дружбе. Именно к этой интерпретации склоняется Валентин Непомнящий. Важно подчеркнуть, что стихотворение «Пророк», одно из важнейших, программных стихотворений Пушкина, было написано вскоре после встречи с императором 8 сентября 1826 года. И такой солидный пушкинист, как Леонид Аринштейн, считает, что это стихотворение отражает, прежде всего, именно впечатление Пушкина от этой встречи.

Конечно, переменам во взглядах Пушкина на жизнь и общество предшествовал долгий процесс. Ранний Пушкин — это человек абсолютно европейских, либеральных настроений. В 1816 году он познакомился с Чаадаевым, который служил в то время в военной части, стоявшей в Царском Селе. Чаадаева мы знаем по «Философическим письмам», в которых утверждается, что Россия, не будучи католической страной, оказалась на обочине цивилизации. В 1836 году Пушкин напишет свой знаменитый ответ на это произведение, в котором скажет: «Ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал». Чаадаев в одном из писем уже в 1830-е годы написал Пушкину: «Вы первый поэт в России, пишите мне, пожалуйста, на русском языке». Почему-то все письма Пушкина после этого Чаадаеву написаны на французском. В том числе и упомянутый ответ. Позже слова из этого письма использовал Тарковский в фильме «Зеркало».

Итак, в 1816 году Пушкин всё ещё либерально ориентированный человек постпетровской эпохи. Через несколько лет его ссылают на юг. В это время поэт общается с Раевским, которого называли «злым

гением» и который вливал в своего друга, как напишет сам Пушкин, «хладный яд». И хотя Раевский в 16 лет под началом своего отца принимал участие в войне с Наполеоном, он был абсолютным циником. Под влиянием Раевского в 1823 году Пушкин переживает духовный кризис и пишет самые пессимистичные строки «Евгения Онегина»: «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей». Она звучит явным диссонансом ко всему творчеству Пушкина, в котором он, наоборот, прославляет жизнь и самое прекрасное, что есть в этой жизни — людей. Если вдуматься, то это прощание Пушкина с руссоистскими иллюзиями, которые были ему свойственны в юности. С мнением Руссо о том, что человек по своей природе прекрасен, а вредны только социальные установления. Как мы знаем, Л. Толстой всю жизнь провёл под влиянием Руссо. Толстой один из очень немногих русских писателей, который не повторил эту парадигму от оппозиционности к консерватизму. Хотя, если бы он обратил внимание на биографию самого Руссо, который написал трактат о воспитании детей, а сам отдал своих детей в воспитательный дом, то относился бы к нему с меньшим доверием. Руссо — теоретик без практического применения своих тезисов.

Вскоре после 1823 года Пушкин оказывается в ссылке в Михайловском, где сближается с отцом Ионой, настоятелем Святогорского монастыря, находившимся поблизости. В это время Пушкин с увлечением изучает церковнославянский язык и говорит, что хотел бы, чтобы его дети читали в будущем на этом языке, знали язык и письменность предков. Пушкин перерождается и становится другим человеком. В череде этих биографических событий и наступает 1826 год, встреча с императором — ключевой и окончательно переломный момент.

Оценивая поздние произведения Пушкина, можно утверждать, что свой жизненный путь он заканчивал как христианский писатель и консервативный мыслитель. Пушкин не следовал всем консервативным канонам европейской мысли, не стремился их слепо переносить на Россию. Например, в произведениях Пушкина можно найти отзвуки такого философа, как Эдмонд Бёрд, наиболее последо-

вательного критика французской революции. Отчасти они звучат и в «Капитанской дочке», и в «Истории пугачёвского бунта», и в других произведениях. С течением времени Пушкин всё больше и больше ценит в человеке верность слову. Для него верность слову становится синонимом понятию Честь: Честь — это и есть верность слову. Ведь с чем была связана сама дуэль и смерть поэта? Пушкин не прощал ситуаций, когда человек произносил слова, не имевшие смысла, и когда эти слова смысл теряли. Этот принцип не раз в жизни подводил его к краю гибели. Несколько лет он готовился к дуэли с Фёдором Толстым — Фёдором «Американцем». Фёдор Толстой публично сказал, что Пушкина якобы публично высекла полиция. Пушкин несколько лет тренировался в стрельбе, укреплял руки упражнениями с железной палкой, готовясь к дуэли. Но жизнь сложилась так, что его отправили в ссылку на юг, и дуэль не состоялась. Почему он так отреагировал на слова Толстого? Потому что для Пушкина «отвечать за свои слова» было одним из важнейших нравственных принципов. Петруша Гринёв в «Капитанской дочке», когда Пугачёв предлагает ему службу и сулит за это всевозможные блага, отвечает: «Не могу». «Почему?» «Потому что я присягу давал». Дать присягу — это дать слово. В тот момент для Пушкина сложилась опасная ситуация, потому что Фёдор Толстой был отличным стрелком. По воспоминаниям современников, он на спор выстрелами из пистолета выбивал каблуки из-под туфель стоящей на столе женщины. Но, к счастью, когда Пушкин наконец получил возможность приехать в Петербург, Фёдор Толстой перед ним извинился, и произошло их замирение. Позже Фёдор Толстой даже был сватом на свадьбе Пушкина с Натальей Гончаровой.

Нужно понимать, что возвращение Пушкина на консервативные позиции происходит именно через расширение, углубление понятия чести, понятия ценности слова. Вспомним слова Татьяны, когда в конце романа она отказывает Онегину: «Но я другому отдана; Я буду век ему верна». Это значит, что дана клятва, произнесён обет супружеской верности, значит этого надо придерживаться до конца.

Ну и, конечно, самая хрестоматийная история, демонстрирующая путь христианского перерождения Пушкина, — это знаменитое стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны»:

*Отцы пустынноики и жены непорочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв.
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Это переложение знаменитой молитвы жившего в IV веке святого Ефрема Сирина, которая читается каждый Великий пост и является одной из самых важных и глубоких молитв в жизни православных христиан:

«Господи и Владыка живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

В отличие от Пушкина, у Лермонтова из-за краткости и трагичности его жизни консервативного поворота в мировоззрении не произошло. В его творчестве нет этого перехода от деструктивной по-

зиции к консервативной. Тем не менее очень интересно его пророческое стихотворение «Предсказание»:

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон.*

Это стихотворение совершенно не вписывается в романтическую парадигму, характерную для прочих стихов Лермонтова того периода. Оно похоже на какой-то проблеск будущего консервативного Лермонтова, о котором мы все бы узнали, если бы не его ранняя трагическая гибель. Точно так же Гоголь, узнав о смерти Пушкина, сожалел не только о том, что погиб великий человек, — он говорил, о том, что Пушкин собирался уехать в деревню и что в скором времени мы могли бы увидеть совсем другого писателя, если бы не эта преждевременная смерть. То есть Гоголь скорбел о Пушкине не только как о человеке, но и как о писательском таланте, до конца не реализованном.

Если же рассмотреть судьбу самого Гоголя, то в ней можно увидеть те же процессы, что и в жизни Пушкина. И хотя они протекают по-другому, и фигура писателя сильно отличается от Пушкина, в его творческой биографии тоже есть мировоззренческий перелом. Молодой Гоголь — если не либерал, то точно человек с весьма злым юмором, обличающим власть имущих и всю русскую жизнь. Как бы сегодня сказали, этот юмор вполне укладывается в рамки «гражданского», «либерального» дискурса. Безусловно, с самого начала творчеству Гоголя присущ мистицизм, как христианский, так и языческий. Но эта сторона его произведений до определённого времени не замечалась публикой. «Вечера на хуторе близ Диканьки» долго воспринимались как исключительно юмористические заметки: читатели восхищались

гоголевским образом крестьянина Рудого Панько, восхищались, как писал Пушкин, «гумором Гоголя», не замечая мистических мотивов.

Дальше происходит очень интересная история. Когда Пушкин погибает на дуэли, Гоголь находится за границей и узнаёт об этом событии с некоторым опозданием. Узнав о смерти поэта, он впадает в глубочайшее уныние и фактически проклинает то общество, которое, как он считает, и погубило Пушкина. Первое время Гоголь винит даже царя, отказываясь замечать его попытки защитить поэта от дуэли. От предыдущих двух несостоявшихся дуэлей Пушкина спас Василий Андреевич Жуковский. То, что государь после смерти Пушкина оплатил все его многочисленные долги, Гоголь за границей не знал.

До сегодняшнего дня дошёл интересный документ — воспоминание малоизвестного польского писателя Юзефа Богдана Залесского, который пишет, что в этот период в Париже он и его польский приятель встречались с Гоголем. Гоголь, по словам Залесского, якобы рассказывал «о москалях», которые казались ему противными, так же как и его гостям. Если верить версии Залесского, Гоголь серьёзно относился к теории, популярной в тогдашней Польше и на сегодняшней Украине, о финно-угорском и татарском происхождении великороссов. Эта известная теория родилась ещё в XVIII веке, а XIX век стал периодом её расцвета. Согласно ей, поляки и украинцы — это славяне, а Русь — это улус Золотой Орды, сложившийся под влиянием татарских и финно-угорских народов. В Польше эта теория уже считается грубоватой, а на Украине широко тиражируется и до настоящего времени. Но тут же юный Залесский пишет, что, когда через пять лет он опять встретился с Гоголем за границей и попытался заговорить с ним на эту же тему, Гоголь разговаривать отказался, потому что стал, как пишет Залесский, слугой «православия и трона». Вот такое изменение произошло в Гоголе.

Между этими двумя периодами жизни писателя лежит его важнейшее произведение — первый том поэмы «Мёртвые души» — и самое главное — реакция на эту поэму. Дело в том, что Гоголь сам испугался того огромного революционного потенциала, который был

в «Мёртвых душах». А он вовсе не намеревался давать оружие в руки будущих революционеров. Он хотел написать произведение по схеме Данте — «ад-чистилище-рай». У самого Данте наиболее интересным является именно описание ада, чистилище уже навеивает на читателя тоску, а дорая мало кто дочитывает. Гоголь впоследствии хотел заглаживать свою вину, совладать с теми персонажами, которых создал. Набоков совершенно справедливо восхищался Гоголем. Но Набоков любил его совсем не за то, за что, наверное, сам Гоголь хотел бы, чтобы его любили. Набоков восторгался фантазией Гоголя, тем, что его произведения во многом не привязаны к жизненным реалиям. Есть такая знаменитая шутка Набокова — как Гоголь мог писать о малороссийской деревне, если он никогда в ней не жил, если он видел её только на пути из Петербурга в Италию и по пути из своего родного Нежина в Петербург. Конечно, это утверждение Набокова является очень сильным преувеличением, во-первых, потому, что малороссийская деревня не сильно отличалась от русской. А во-вторых, потому что Гоголь, конечно, жил в деревне. Его лучшей подругой была Александра Осиповна Смирнова (урождённая Россет), ставшая женой калужского губернатора, и Гоголь бывал у неё в гостях, жил в Калуге, и, конечно, русскую деревню он всё-таки знал. В то же время нельзя не признать, что произведения Гоголя — это далеко не скупое документальное отражение русской реальности. Гоголь — прежде всего писатель-мистик, а уже потом реалист и сатирик. В некотором смысле Набоков уловил эту особенность гоголевского творчества. Другое дело, что Набокову претил мистицизм как таковой, и поэтому он и не хотел прямо называть Гоголя мистиком.

Чтобы понять, почему революционный потенциал «Мёртвых душ» настолько огромен, необходимо вспомнить лексику этой поэмы. Самая любимая фраза из Гоголя — «маниловщина», которая широко вошла в русский язык, в литературу. Именно гоголевский стиль повлияет на многих писателей, в частности на Гончарова, который опишет такое явление русской жизни, как «обломовщина». Нужно также пони-

мать, что в XIX веке художественная литература играла приблизительно такую же роль, какое телевидение играет в наше. Люди смотрели на жизнь через образы литературных героев. При этом Манилов, Собакевич, Плюшкин по праву казались крайне отрицательными персонажами, безмерно негативными и разоблачительными. И поэтому Гоголь впоследствии в своих двух произведениях, которые относятся к духовной прозе, пытался оправдать этот свой художественный подход. Такие слова он произносит в «Авторской исповеди»:

И прежде и теперь мне казалось, что русский гражданин должен знать дела Европы. Но я был убежден всегда, что если при этой похвальной жадности знать чужеземное упустишь из виду свои русские начала, то знания эти не принесут добра, сойдут, спутают и разбросают мысли, наместо того чтобы сосредоточить и собрать их. И прежде, и теперь я был уверен в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу и что только с помощью этого знания можно почувствовать, что именно следует нам брать и заимствовать из Европы, которая сама этого не говорит. Мне казалось всегда, что, прежде чем вводить что-либо новое, нужно не как-нибудь, но в корне узнать старое; иначе применение самого благодетельнейшего в науке открытия не будет успешно... С этой целью я и заговорил преимущественно о старом.

Но, как говорят в народе, взявшись за гуж, не говори, что не дюж. Гоголю пришлось столкнуться с ситуацией, когда его собственное произведение, его способность видеть сатирические образы, видеть дьявола в действительности (а Чичиков на самом деле дьявол и, как называл его Набоков, коммивояжер в фирме «Сатана и компания»), оказались сильнее его собственного раскаяния. Это прекрасно описал Андрей Белый в своей книге «Мастерство Гоголя». В литературоведении и в обществе постепенно укрепляется мысль, что Чичиков — это инфернальный персонаж, торгующий «живыми душами».

Действия Чичикова напоминают нынешнее рейдерство, когда бюрократическая, «мёртвая бумага» вдруг превращается в страшный крючок, за который цепляются и пропадают целые предприятия, коллективы и другие «мёртвые души».

Белинский, который был, безусловно, человеком очень страстным, немедленно пишет своё знаменитое «Письмо Белинского к Гоголю», за которое впоследствии Достоевский попал на каторгу и которое в обязательном порядке изучали в советских школах. Белинский пишет:

Да, я любил Вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный со своею странюю, может любить её надежду, честь, славу, одного из великих вождей её на пути сознания, развития, прогресса. И Вы имели основательную причину хоть на минуту выйти из спокойного состояния духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считал любовь мою наградою великого таланта, а потому, что, в этом отношении, представляю не одно, а множество лиц, из которых ни Вы, ни я не видали самого большего числа и которые, в свою очередь, тоже никогда не видали Вас. Я не в состоянии дать Вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила Ваша книга во всех благородных сердцах, ни о том вопле дикой радости, который издали, при появлении её, все враги Ваши — и литературные (Чичиковы, Ноздрёвы, Городничие и т. п.), и нелитературные, которых имена Вам известны.

В это время, накануне мрачного семилетия с 1848 по 1855 год, накануне 1861 года, в России уже действует «либеральная жандармерия», как её впоследствии назовёт Н. Лесков. Упомянутое письмо Белинского — это только отзвук того, что говорилось в гостиных, в кулуарах и от чего сильно страдал Гоголь. В конечном итоге эта история привела к тому, что Гоголь ещё больше стал смещаться в сторону консерватизма.

Он предпринял неудачную попытку выйти из того тупика, в котором оказался: решил оживить Чичикова и сделать его чуть ли не положительным героем. Это было невозможно: это был тот случай, когда созданного чёрта уже невозможно было переделать в ангела. Поэтому Гоголь до конца жизни, что видно из его заметок, страдает и пытается оправдаться за созданные им самим образы.

Следующая история прямо вытекает из творчества Гоголя и связана с недооценённым в России романом Александра Гончарова «Обломов». Если изучить критические литературоведческие подходы к этому произведению, то можно увидеть преимущественно две интерпретации. Одну, условно говоря, нам предложил Добролюбов, согласно которому Обломов — это именно отрицательный тип, полная развалина. Сейчас это направление в России развивает Дмитрий Быков, который продвигает идею о том, что на Обломова похожи те русские, которые уезжают за границу, сдают здесь квартиры и живут на проценты. Но есть и другой взгляд, который в кинематографическом варианте представил Никита Михалков в фильме «Несколько дней из жизни И. И. Обломова». Здесь упор сделан не на монументальные позы, в которых Обломов лежит у себя в квартире в Петербурге, а на сцены из детства, деревни, на времени, когда Обломов растёт. Михалковская интерпретация предстаёт даже в небольшом противоречии с тем образом, который создаёт сам Гончаров. Гончаров рисует образ «мёртвого консерватизма», описывает мир (деревню Обломовку), где время остановилось, где если что-то сломалось, то это не чинят. У Михалкова, как мы помним, ничего этого нет. Его Обломовка — это рай, созданный воспоминаниями о детстве.

Следует отметить, что из автобиографических записок Гончарова следует, что он поменял своё отношение к герою в процессе работы. Гончаров так же, как и Гоголь, испугался созданного им негативного образа в первом томе романа. Он не желал того тотального отрицания, о котором сам говорил в одной из своих записок. Зрелый Гончаров, создавший уже первый том «Обломова», пишет: «С Гоголя

мы стали на этот отрицательный и в беллетристике путь, и не знаю, когда доработаемся и доживём до каких-нибудь положительных воззрений, на которых бы умы могли успокоиться! Может быть, никогда! Это очень печально!». В это время происходит консервативное перерождение Гончарова. Какое-то время он даже работает в цензуре, хотя и добрым цензором, симпатичным человеком. Тем не менее это уже совсем другой Гончаров, не тот, которого мы помним молодым.

С чем же всё-таки сталкивались русские публицисты и писатели, когда ополчались на консервативные веяния в литературе? Откуда взялось письмо Белинского? Ответ кроется в явлении, которое Лесков называл «либеральная жандармерия».

Либеральная жандармерия, или диссидентское движение — это специфично русское явление. И, вероятно, консервативное общество, если оно когда-то появится в России, также будет неизбежно включать этот элемент. История этого явления восходит ещё к Андрею Курбскому, и если посмотреть на интеллектуальный тип русских (что, впрочем, можно сказать и о поляках), то мы увидим вечную мечтательность, сказание о граде Китеже или миф о прекрасной Западной Европе, или о ещё более замечательном социалистическом обществе. И русские, и поляки не могут удовлетворяться тем обществом, в котором они живут, они всегда мечтают о чём-то большем и не удовлетворяются тем местом, которое занимают в обществе, всегда мечтают о месте более престижном, более отвечающем их талантам. Так вот, в конфликте Ивана Грозного и бежавшего от него Андрея Курбского, в их переписке сразу виден один из главных истоков либеральных и революционных движений в России — недовольство своим положением. Это недовольство тем местом, которое было отведено в русском обществе даже таким аристократам, как Курбский, участник взятия Казани и один из любимцев Грозного на ранних этапах его правления. В письме Курбского Ивану Грозному мы можем прочитать следующие строки: «Почто, царю, силных во Израили побил еси, и воевод от бога данных ти на враги твоя, различными смертьми расторгл еси, и по-

бедоносную святую кровь их во церквах божиих пролиал еси. Почто гоненья умыслил еси, изменами и чародействы и иными неподобными облыгая православных. Али ты безсмертен, царю мнишися, и в несытную ересь прельщен». Великий поэт и писатель Алексей Толстой в своей балладе «Василий Шибанов» перелагает именно эту часть письма Курбского. Иван Грозный у Алексея Толстого читает: «Презренный и мнишися от бессмертия нас в несытную ересь прельщен». Можно обратить внимание и на тот факт, что порой русские диссиденты, либералы, борясь с властью, борясь с церковью, говорят на языке своих оппонентов, как это произошло с Курбским, потому что другого языка образованные люди того времени в общении друг с другом использовать не могли. В сущности, в этом письме Курбского легко узнаются всё те же самые обвинения против царя, против власти, которые потом повторяли все диссиденты от Лжедмитрия до Герцена и Бакунина, от генерала Власова до Ильи Пономарева. Вот следующий примечательный отрывок из письма Курбского: «Во что тцися со усердием свет во тьму прелагати и сладкое горько прозывати? Коего зла и гонения от тебе не претерпех! И коих бед и напастей на мя не подвигл еси! И коих лъжей и измен на мя не възвел еси! А вся приключившася ми ся от тебе различныя беды по ряду, за множество их, не могу изрещи, понеже горестью еще душа моя объята бысть». В словах князя читается удивительная любовь к себе, любованиe собственным страданием, представление власти в виде какой-то бессмысленной агрессивной силы, которой чуждо всё разумное, доброе, вечное.

Очень интересно и подробно это явление описал в своих произведениях Николай Семенович Лесков. Но наиболее яркую критику либерализма и революционной деятельности явило нам творчество Федора Михайловича Достоевского. Известно, что прототипом одного из главных героев «Бесов», Петра Верховенского, стал один из самых известных русских революционеров своего времени Сергей Нечаев. Нечаев, безусловно, был выдающимся человеком. И здесь нельзя не согласиться с историком революции Феликсом Лурье, который

недавно написал об этом человеке книгу, изданную в серии «Жизнь замечательных людей». Можно сказать, что одной из причин революции стало отсутствие в России социальных лифтов, из-за чего была вполне обыденной ситуация, при которой Владимиру Ульянову общество и государство не могло предложить ничего лучше, чем стать присяжным поверенным или занять должность прокурора или судьи. Точно также и Нечаев, очень талантливый человек, но бывший сыном незаконнорожденного, мог рассчитывать самое большее на то, чтобы стать директором какого-нибудь училища. Конечно, это совершенно не устраивало этого человека с его огромными амбициями. Широкую известность Нечаев получил, когда агитировал несколько студентов Тимирязевской академии (она создавалась специально для того, чтобы в новых условиях после отмены крепостного права помогать помещикам налаживать сельское хозяйство) и подговорил их на убийство студента Иванова, который решил выйти из организации. Убийство было совершено в Тимирязевском парке и было быстро раскрыто из-за того, что заговорщики плохо скрыли тело. В итоге они были арестованы, а сам Нечаев бежал за границу, в Швейцарию. И только там, в Швейцарии, в результате операции русских спецслужб был захвачен и тайно вывезен обратно в Россию. Дальнейшая история Нечаева не менее интересна. Он оказывается в заключении в Петропавловской крепости, в Алексеевском равелине. Но там, используя свой пропагандистский талант, Нечаев смог склонить на свою сторону практически всю охрану равелина. Охрана была готова помочь ему бежать; во всяком случае она передавала его записки народовольцам, находившимся в городе. Нечаев был, безусловно, убеждённый человек. В 1881 году народокольцы предложили организовать его побег, но в то же время они готовили покушение на императора Александра II и сообщили Нечаеву, что смогут осуществить лишь одну из двух операций: его, Нечаева освобождение, или покушение на царя, — потому что на две операции сил у них уже не хватит. Нечаев ответил народокольцам, что, конечно же, следует предпринять покушение на царя. Из истории

мы знаем, что покушение на императора удалось. В скором времени в Петропавловской крепости стало известно, что охрана Алексеевского рavelина встала на сторону Нечаева, и он был переведён в карцер, где скончался в возрасте 35 лет.

Есть и другие типажи либеральной жандармерии и русского революционного движения. Здесь имеет смысл вспомнить те вещи, о которых мало говорили в советское время и которые имеют большое значение. Ключевые фигуры русского революционного движения — это Александр Герцен и Михаил Бакунин. Однако не все знают, каким образом они оказались за границей. По Манифесту о вольности дворянства от 1762 года дворяне имели полное право выезжать за границу. Но при этом по первому приказу императора они должны были явиться обратно. Таков был закон. И хотя и Бакунин, и Герцен были людьми неблагонадежными, когда они обратились к Николаю I с письменными просьбами о выезде за границу, он, как человек, который всегда чётко следовал законодательству, разрешил им этот выезд. После этого Герцен уезжает за границу и начинает издавать «Колокол». На приказ Николая I явиться Герцен просто смеется. То же самое делает и Бакунин. Потом возникает удивительная ситуация. Бакунин участвует в революции 1848 года в Венгрии, его захватывают российские войска и доставляют в Петропавловскую крепость, в политическую тюрьму. Оттуда он снова пишет письмо Николаю I — первому дворянину Российской империи от дворянина, пусть и сидящего в тюрьме, — напоминая ему о своих правах выехать за границу. Это весьма характерно. Нечаев первое время, когда шёл судебный процесс, вообще отказывался отвечать на вопросы, говорил, что он иммигрант, фактически являющийся швейцарским гражданином. и что он не понимает, какие к нему могут быть претензии. Это очень напоминает поведение Ходорковского на суде в наше время. В итоге Бакунина всё-таки освобождают, и через Сибирь, через Тихий океан, через Америку и Японию он попадает обратно в Европу и продолжает вместе с Герценом издавать революционные газеты.

Однако за этой увлекательной историей кроются некоторые неприглядные факты.

Например, в 1863 году, когда поляки решились на восстание, они во многом были сподвигнуты на него Бакуниным. И Бакунин, и Герцен позиционировали себя в качестве друзей Польши, её освободителей, поэтому они и их идеи очень тёпло были приняты польскими эмигрантами, которые проживали в Западной Европе. Бакунин проповедовал идею федерации славянских народов, которая, по его мнению, должна была быть установлена сразу после свержения самодержавия. Бакунин рассказывал полякам байки про то, что у него есть целая революционная сеть по всей в России и что достаточно одной спички, чтобы в России началась революция. Бакунин поляков просто обманул, так же, как сейчас обманывают людей за границей нынешние «Ильи Яшины». Спровоцированные Бакуниным, поляки подняли восстание, и закончилось оно очень кроваво, и для русских, и для поляков. Во многом из-за поддержки польского восстания «Колокол» и другие издания Герцена резко потеряли популярность в России. Та часть русской элиты, которая ранее поддерживала Герцена в его борьбе с крепостным правом, была не готова принять его апологию польского восстания. Поэтому в 1870 году Герцен умирает менее известным, менее авторитетным человеком, чем он был в 1850-е годы.

Интересно отметить, что по иронии судьбы почти вся великая русская проза вышла в «Русском вестнике», в консервативном, «реакционном» журнале, как его тогда называла либеральная общественность. Произведения Л. Толстого, многие произведения Н. Лескова, «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского, «Отцы и дети» И. Тургенева. Первоначально Тургенев планировал издать свой роман в «Современнике», но там готовилась крайне негативная статья Добролюбова об этом произведении, после которой публиковать в нём «Отцы и дети» было невозможно. Тогда Тургенев отдал рукопись в считавшийся «не очень приличным» «Русский вестник».

В 1990-е годы российский литературовед Сергей Чупринин отметил: «Редкий случай, когда человек либеральных убеждений нашёл в себе силы сказать, что вообще-то русская литература всегда летела на двух крыльях — на консервативном и либеральном». В 1990-е годы консервативное крыло подверглось тотальной обструкции, и его перестала замечать и печать, и передовое писательское сообщество. Русская литература летела с одним крылом. При этом показательно, что сложные и насыщенные противоречиями 1990-е годы почти ничем не запомнились в литературе.

Я задаю вопрос: почему «Русскому вестнику» удалось привлечь талантливых писателей? Потому что «Современник» был нетерпим к своим авторам, и в итоге там публиковалось только то, что соответствовало идеологической линии этого издания. Безусловно, «Современник» тоже создавали талантливые люди, например, как сейчас говорит историк литературы Дмитрий Бак, В. Белинский был вдохновителем этого издания и одновременно его промоутером. Он публиковал яркие и эмоциональные статьи, которые как раз были нужны литературной критике. Н. Некрасов выступал в качестве организатора и финансиста издания, он прекрасно играл в карты и часто таким образом вытаскивал журнал из финансовой ямы. А И. Панаев выступал в качестве издателя. Это была весьма сильная тройка. Но этой тройке не хватало способности опубликовать роман просто потому, что он был интересен, хоть и не укладывался в привычные рамки. Так и у современной книжной торговли существует достаточно жёсткая система жанров: «хоррор», «фикшн», «комеди». Великая же литература никогда не соответствует полностью какому-то жанру. У Толстого «Война и мир» — это роман-эпопея, у Гоголя «Мёртвые души» — поэма, хотя это произведение в прозе, и читатель, который найдёт её на полке с надписью «Поэты», будет обманут в своих ожиданиях. Великая литература возникает на стыке жанров, когда писатель творит так, как именно ему удобно, как лучше всего будет для его произведения. В этом смысле «Русский вестник» удивительным образом привлекал к себе наиболее сильных авторов. Даже

при советской власти наибольшие тиражи имели те произведения, которые публиковались в «Русском вестнике», на этих же произведениях во многом строилась советская школьная программа по литературе. Если бы тогда действовали финансовые правила об авторских правах, то советская власть самые большие отчисления платила бы «Русскому вестнику» и намного меньше — «Современнику» и другим так называемым прогрессивным изданиям.

В этом контексте было бы интересно обратиться к литературе XX века. Конечно, концепция, что русские писатели проходят путь от либерального бунда к традиции, далеко не всегда работает, но примеры такого перерождения тоже можно найти. Особого внимания заслуживает фигура Александра Солженицына. В настоящее время Солженицына многие обвиняют в незнании многих фактов, статистики о репрессиях, говорят, что он преувеличивал количество жертв, что он был неточен. Естественно, он не имел доступа к архивам. Но ценность Солженицына состоит не в полной достоверности описываемых им событий, а в том, что он откликается на события того периода истории, который он описывает, так, как, может быть, откликнулся бы средний советский человек. Солженицын хочет жить в другом обществе, более справедливом, более гуманном. И зачастую он находит его в своих фантазиях о русском дореволюционном обществе. Он жаждет свободы слова, хотя, конечно же, к концу жизни Солженицын осознаёт, что свобода без нравственного начала, без ценностей — это не свобода. Потому что истинная свобода, как понимает её христианское мировоззрение, — это свобода от греха. Такое понимание свободы, быть может, более чем кому-либо ещё из русских писателей, было свойственно Валентину Распутину. Это тем более удивительно, что Валентин Распутин — классический советский писатель с классической для советского писателя биографией. Это писатель может быть в чём-то даже провинциальный, но именно поэтому он оказывается очень близок великим западным писателям, например, Джону Стейнбеку, чьё творческое совпадение с Распутиным было почти текстуально.

В завершение хотелось бы отметить, что когда мы говорим о консервативных деятелях XIX века, нельзя забывать, что они были прекрасно образованны. Например, Н. М. Карамзин прекрасно владел французским и немецким языками, путешествовал в Европу в конце 1780-х годов и был свидетелем начала французской революции, к которой на тот момент ещё неплохо относился (тогда ещё было не ясно, во что она выльется). Необходимо отметить, что отношение к французской революции — это очень интересный момент. Сначала Екатерина II, дружившая с философами, учения которых легли в основу французской революции, отнеслась к ней как к чему-то новому и интересному. И в то время в Петербурге делались театральные постановки на тему революции, проводились диспуты, вполне симпатизирующие революционным идеям. Но, конечно же, когда дело дошло до царевубийства, то есть до казни короля Людовика XVI, отношение резко изменилось, но это произошло только в 1792 году, а до этого полтора-два года отношение было почти позитивным. И Карамзин разделял это отношение, хотя многие вещи его уже тогда настораживали. Тем не менее Карамзин начинает как поклонник Запада и лишь потом переходит на консервативные позиции, не оставляя впрочем и Европу без внимания, в полной мере осознавая важность культурных связей с ней. Эта парадигма повторилась с очень многими крупными писателями России XIX века и некоторыми писателями XX века.

ПОСТСЕКУЛЯРНОСТЬ И ЯЗЫК ЦЕРКВИ

В XX веке под влиянием процессов глобализации и интенсивного взаимодействия людей разных культур популярными стали исследования в области «межкультурных коммуникаций». Они основывались на подходе, что преодолеть межкультурные, междивизиационные и даже межпоколенческие конфликты можно только в том случае, если люди научатся читать культурные коды друг друга.

Но с кризисом «мультикультурализма» снова пришло понимание, что чтение культурных кодов не достаточно для преодоления конфликтов и кризисов, и что язык — понятие не относительное и не условное. Язык — это способ мыслить и действовать, который включает в себя культуру, веру, глубокие пласты традиции, идеологию и мировоззрение. Когда эти элементы становятся частью языка, они перестают осознаваться: из того, что мы познаём, превращаются в то, как мы познаём.

Сегодня западная культура и социальная мысль переживают кризис. Язык «демократических ценностей», «правового государства» и «гражданского общества», несмотря на свои несомненные достижения в прошлом, теряет авторитет и силу, перестаёт быть нормативным и объединяющим. Новые понятия появляются медленно: большинство из них носит приставки «пост» и «транс», прибавляемые к старым, уже плохо работающим концептам. Так, сначала возник «постмодерн», потом «постпостмодерн». Так же возникли слова «трансгуманизм» и «постсекулярность». Иногда эти приставки используются, чтобы скрыть истинное, шокирующее значение замещаемого слова, иногда, если новое слово ещё не появилось. В итоге современное об-

щество живёт в ситуации сильной иносказательности: мы используем слишком много кавычек, уточнений и приставок «пост». Эти противоречия в современной культуре приводят к глубоким нарушениям социальных связей внутри общества, к нестабильности на международном уровне, а также к кризису ценностей и целей внутри отдельной личности.

Россия в числе первых остро почувствовала эти опасные тенденции. В XX веке мы дважды пережили глубокий разрыв традиции и хорошо помним, что кризис ценностей как в 1917, так и в 1991 году в конечном счёте искупается миллионами человеческих жизней.

Российское общество в последние годы стало искать и формулировать новый язык, что выразилось в небывалом для истории нашей страны всплеске политических дискуссий, сравнимых лишь со временем конца XIX — начала XX веков. В отличие же от столетней давности, развитие общественной мысли сегодня происходит на фундаменте общенародного консенсуса, что во многом оберегает это развитие от авантюрных и деструктивных траекторий.

До сегодняшнего дня мы разговаривали на языке, окончательно сформированном во второй половине XIX и начале XX века. Признаки будущего языка двадцатого столетия были зафиксированы литературой века XIX и хорошо известны нам по русским классическим произведениям. В трудах Герцена, Достоевского, Лескова, Тургенева, Гончарова, а также в публицистике и философских трудах тех времён уже употребляются хорошо известные сегодня термины — социализм, коммунизм, демократия, либерализм, права, нация, прогресс, империализм. Ещё до начала Серебряного века и Первой мировой войны, ставшей точкой отсчёта новой реальности, эти термины стали употребляться в том смысле, в котором мы их понимаем до сих пор. Безусловно, все они были позже отягощены политическими процессами двадцатого века, но в своей смысловой основе остались теми же. Термины и понятия наступавшего столетия магически воздействовали на людей — они воодушевляли и захватывали.

В переломные периоды истории язык переживает глубокую трансформацию. Более того, внутренние ценностные изменения языка часто искажают и его физические формы: грамматику, орфографию, фонетику и даже шрифт. В начале прошлого столетия русский язык сполна испытал на себе эти трагические перемены. Вспомним новояз. Или, например, попытку заменить дни недели революционным пятидневным календарём, в котором не было ни воскресенья, ни субботы. Или авангардизм и обэриутство в поэзии, которые на теле культуры словами высекали новые параметры красоты. Обэриуты так говорили о себе: «Мы — творцы не только нового поэтического языка, но и созидатели нового ощущения жизни и её предметов». Трудно ответить на вопрос, кто кого созидал: поэты время или время поэтов. Но то, что время наполнилось новым духом, тогда ощущали все. Натиск этого нового духа на русский язык был настолько сильным, что тот навсегда изменил свой облик, разделив историю народа на «до» и «после».

Сегодня мир рывками вступает в XXI век, что отражается и на современном общественно-политическом языке. Россия перешла в новое столетие в 2014 году после возвращения Крыма, Великобритания начала это движение 23 июня 2016 после решения выйти из ЕС, США — 9 ноября 2016, когда выбрали своим президентом Д. Трампа, Куба — 25 ноября 2016 года с кончиной Фиделя Кастро. Европейские государства, испытывающие кризис идентичности и политической терминологии, всё ещё в процессе этого перехода.

Итак, главный вопрос: на каком языке будет разговаривать XXI век и какие ценностные категории в нём будут востребованы?

У нового языка будет несколько характеристик, из которых я хотел бы рассмотреть сегодня одну — религиозную. Язык XXI века можно с уверенностью назвать постсекулярным, в том значении, что он приходит на смену секулярному языку, который пытался в прошлом веке вытеснить религию из «светского» пространства. Назовём три источника этого языка.

Одним из них является неоязычество, вдохновляющее неонацизм и возрождающее праворадикальные идеи и регионализм. Его энергия способна воодушевлять футбольных фанатов на радикальные акции протеста и даже устраивать революции в столицах современных государств. В неоязыческом символизме черпают вдохновение многие современные правые политические партии, а также движения регионалистов, выступающие по всему миру за усиление автономии своих локальных регионов. Если первые стремятся к усилению национальной независимости от различных глобальных структур, то регионалисты обосновывают своё право на независимость от самих национальных государств. Регионалисты опираются на новые региональные мифологии, с помощью которых конструируют и сакрализуют новые региональные идентичности. Земля в регионализме снова приобретает дохристианское метафизическое значение, здесь именно она формирует идентичность. Такому взгляду на регионализм посвящена недавно вышедшая при поддержке МГИМО и ВРНС книга «Регионализм как идеология глобализма» (В.А. Щипков, 2017).

Второй источник языка XXI века — терминология исламских традиций. Последние годы международный терроризм активно пытается присвоить себе этот язык. Необходимо признать, что как бы риторика запрещённого в России ИГИЛ ни резала европейский слух, её притягательная для некоторых людей энергетика объяснима и понятна. ИГИЛ стало открыто говорить с постхристианским обществом на шокирующем его языке религии и религиозных ценностей, давая собственные идеалы красоты, справедливости, добра и зла. Без политкорректности и кавычек. Западной секулярной культуре нечего противопоставить этому языку. Люди попадают под влияние идеологии ИГИЛ, потому что она даёт свою целостную, религиозную картину мира, отсутствующую в современной культуре постмодернистского релятивизма. Вот некоторые названия номеров игиловского англоязычного интернет-журнала «Дабик», используемого

для вербовки сторонников: «Потоп», «Провалившийся крестовый поход», «Закон Аллаха или законы людей», «Разбить крест». А такие выражения, как «кровь праведников», «джихад благочестивых», «борьба с армией крестоносцев», «апостасия» (отступничество от Бога) звучат сегодня сильнее, чем гуманистические идеалы и даже сильнее, чем провокационное творчество карикатурного журнала «Шарли». Терминологии ИГИЛ и других исламистских проектов может быть противопоставлена только религиозная терминология. В борьбе с языком террористов необычайно укрепится язык мирного ислама, который будет претендовать на монополию религиозных и мировоззренческих споров с исламистами и в конечном счёте формулирует свой, уже мирный проект по реформированию западной культуры.

Одновременно с этим в христианских и постхристианских странах начинается процесс религиозного возрождения. Христианская традиция — это третий источник.

Как и сто лет назад Россия сегодня первой начинает говорить на новом языке. После перестройки, празднования 1000-летия крещения Руси и завершения советского периода наступила новая эпоха и пришло иное мироощущение, которое непосредственно отразилось на языке народа. Помимо массы англоязычных терминов, неотъемлемой частью современного русского языка стали церковные, религиозные и богословские термины, полностью вышедшие из употребления в предыдущие годы. Стали звучать привычно названия православных праздников, церковных чинов, богослужебных предметов. В общественном пространстве распространился язык проповеди, в основании которого лежат термины и цитаты из Писания и Предания. Восстановленные храмы преобразуют язык социокультурного ландшафта современных российских городов, а сонм прославленных новомучеников и исповедников российских восстанавливает духовную связь российской истории и является живой силой религиозного возрождения в обществе.

Постсекулярные изменения в современном языке связаны не только с возвращением нескольких десятков дореволюционных терминов, таких как «духовенство», «пост», «прихожане», «паломничество», но и с наполнением важных светских понятий новым, религиозным звучанием. К ним относятся «семья», «вера», «мир», «справедливость», «свобода», «милосердие», «самоограничение», «жертвенность», «единство» и другие слова. В российских официальных документах и публицистике их всё чаще называют традиционными ценностями.

Традиционные ценности, в основе которых лежат христианские добродетели, приобретают в нашу эпоху особенно важное звучание. За отстаивание и сохранение этих ценностей, как за драгоценный источник, будет разворачиваться противостояние в новом столетии.

О росте значения языка традиционной морали свидетельствует степень агрессивной реакции на этот процесс. Скандалы, связанные с законом о запрете пропаганды идей «лгбт» среди несовершеннолетних, законом о защите чувств верующих, с осуждением спектакля «Тангейзер» или фильма «Матильда» — это не околоцерковные конфликты. Речь идёт о глубоком культурном конфликте между религиозным языком и секулярным языком либерального модерна, а также о процессе замещения первым второго.

Уже несколько десятилетий политические философы говорят о кризисе идей Просвещения, модерна и его постмодернистских форм. Но после кризиса неизбежно наступает новая реальность, в основе которой лежит новый язык.

Для России новый язык — это наполнение известных понятий традиционным, в первую очередь христианским смыслом. Это восстановление современного культурного пространства, уставшего от агрессивных идей модерна и постмодерна.

Но новый язык не появляется сам собой. Он возникает из речи и слов. В связи с этим вырастает роль «переводчиков» — современ-

ного экспертного сообщества. Поэтому задача Русской экспертной школы не обучить конкретным навыкам и даже не дать конкретные знания. Задача — научиться восстанавливать связь между словами и их содержанием, научиться называть вещи своими именами.

Научное издание

Тетради
Русской экспертной школы
№ 1/2017

Автор-составитель

В.А. Щипков

Ответственный секретарь

Е.Е. Мамаев

Корректор

А. Климова

Вёрстка

К. Струков

Издатель

Русская экспертная школа

vk.com/ruseschool

ruseschool@yandex.ru

Подписано в печать 20.01.2017
Формат 60x84/₁₆, Объем 7 усл. печ.л.
Тираж 300 экз.

Отпечатано в издательстве «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru

Эксперты номера

Бабич Дмитрий Олегович

обозреватель радио Sputnik, эксперт RussiaToday, публицист

Бенедиктов Кирилл Станиславович

главный редактор портала «Русская idea», писатель

Козырев Алексей Павлович

заместитель декана философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. филос. наук, доцент

Минаков Аркадий Юрьевич

профессор Воронежского государственного университета,
руководитель Центра по изучению консерватизма, д-р ист. наук

Ремизов Михаил Витальевич

президент Института национальной стратегии,
канд. филос. наук

Щипков Василий Александрович

директор Русской экспертной школы,
преподаватель МГИМО МИД России, канд. филос. наук

ISBN 978-5-98604-593-1

9 785986 045931